

РЕЗИДЕНТ КГБ

1

ПЕТР АЛМАЗНЫЙ

Петр Алмазный
Резидент КГБ. Том 1

«Автор»

2026

Алмазный П.

Резидент КГБ. Том 1 / П. Алмазный — «Автор», 2026

Оказавшись в теле советского разведчика, я попал в самый эпицентр противостояния спецслужб. Контрразведка идёт за мной по пятам. Двойные агенты, вербовка, предательство... Каждый шаг может стать последним, каждое неосторожное слово — ловушкой. Но у меня есть то, чего нет ни у ЦРУ, ни у МИ-6 — знание будущего.

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	51
Глав	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Петр Алмазный

Резидент КГБ. Том 1

Глава

Название: Резидент КГБ. Том 1

Автор: Петр Алмазный

Глава 1

О том, что на горнолыжной трассе пропал мужик, я услышал вчера вечером. Залетел, мол, на спуске в полосу тумана — и всё. Потом смотрели по камерам: нет, так оттуда и не выехал. И в номер больше не возвращался. Теперь ищут, МЧС работает, но пока без толку. А прошло с тех пор уже два дня.

Рассказал мне эту новость приятель, компаньон по лыжным поездкам. Ни о какой мистике он и не думал. Больше размышлял о том, что пропавший был, наверное, бухгалтером. Потом вынырнет из тумана в специально подготовленном месте и не с пустыми руками. Потому что взрослые мужики просто так в тумане не пропадают.

Я тоже не верил в мистику, и со своим рассудительным товарищем вполне согласился. Не думали ни о чём мистическом и в администрации лыжного курорта. Все трассы были открыты, подъёмники работали, как ни в чём не бывало.

Сейчас мой товарищ дрых в тёплом номере. Или бродил, сонный, с подносом, набирая всякого себе в тарелки от гостиничного «шведского» стола. Он не любит рано вставать. Да я и сам не люблю. Но сегодня меня как будто что-то потянуло сюда, на трассы, ни свет ни заря.

Кабина подъёмника вздрогнула, тёмные лапы сосен проплыли рядом с канатной дорогой, едва не ткнувшись в окна. Подъём заканчивался, скоро выходить. Я взял с лавки шлем с перчатками и шагнул в дышнувшее морозом пространство.

Ботинки с характерным звуком защёлкнулись на лыжных креплениях. Сунув одетые в перчатки руки в темляки лыжных палок, я неспеша поскользился к началу спуска. У самого склона остановился.

Впереди, очень далеко, на горизонте пролежала цепь горных вершин, и я немного постоял, любуясь на это зрелище. Перевёл взгляд вниз. Там виднелись строения, крохотные коробочки больших и малых отелей и, едва заметная, тянулась нитка шоссейной дороги. Туда, петляя по склонам и часто пропадая из вида, устремлялись лыжные трассы.

В одном месте, на половине пути к дороге, я заметил серую туманную полосу. Она ползла поверх сосен, медленно перетекая через вершину холма. Внутри у меня внезапно шевельнулась смутная тревога.

«Да ну, что за ерунда», — я мотнул головой, выгоняя оттуда всякие глупости. Натянул на глаза горнолыжные очки, оттолкнулся пару раз палками — и зашуршал вниз по никем ещё не тронутому склону.

Как и ожидалось, трасса была пустынна. Воздух свистел в ушах, и белое чистое пространство несло навстречу. Я летел по склонам широкими зигзагами. По пути не попадалось ни одного снежного наноса, ни единого предательского бугорка — не трасса, а просто мечта.

Показался очередной поворот, огороженный, как и другие, флажками и растянутой улавливающей сеткой. Я вписался в него по уверенной широченной дуге. А дальше ноги мои дрогнули, и я едва не полетел кубарем, с трудом удержавшись и восстановив равновесие. Резко затормозив, я отъехал в сторону и там остановился окончательно.

Я увидел ЭТО. Очень необычный туман преграждал мне путь. Густая серая пелена протянулась поперёк трассы непроницаемой стеной. Подняв очки, я с удивлением уставился на эту странную природную аномалию.

Некстати вспомнил о пропавшем в тумане мужике — стало не по себе. Но отступать я не привык и всегда следовал правилу "Если страшно, то действуй поскорее, наступай, бей первым".

Усмехнувшись своему недолгому замешательству, я оттолкнулся и понёсся вперёд и вниз.

Границу тумана я пересёк уже через несколько секунд. И очутился как будто в другой среде — нырнул из света во тьму. Виден был только снег под ногами, а впереди и по сторонам струилось серое и загадочное. Ключья тумана летели в лицо, проносились сквозь меня и по сторонам в сумрачной темноте. Лыжи шуршали глухо и едва слышно, звук их словно пропадал, оставался у меня за спиной.

Удаль удалю, но скорость я старался погасить. Правда, на «чёрной» трассе, как ты ни старайся, ехать совсем медленно не получится. Разве что останавливаться после каждого манёвра. Но как раз останавливаться совершенно не тянуло — наоборот, хотелось вырваться из этих серых пространств как можно скорее. Так что гнал я достаточно быстро.

И когда на пути у меня возникло препятствие, шансов обойти его без потерь было немного.

Мать его!.. Вжуххх...

Я дал влево и ушёл от столкновения. Но удержать равновесие после такого поворота уже не вышло. Снежная поверхность ринулась в лицо, перед глазами вспыхнуло, туманы завертелись и закувыркались. Я полетел кубарем. И несло меня как раз в ту сторону, куда нестись не нужно.

А потом случился удар. Это древесный ствол остановил мой полёт со всей своей нерушимой твёрдостью.

И пришла темнота.

Я так и не понял, что же это такое, чёрное и внезапное, вылетело на меня там, на трассе, из тумана. Человек с расставленными руками? Дерево? Огородное пугало? (Но откуда оно здесь?!) Статуя? (По ней тот же вопрос). Застывший сгусток тумана необычных очертаний? Вообще говоря, больше всего оно походило на большой могильный крест.

Я открыл глаза. Голова раскалывалась. Зачерпнул снега, размазал холодненькое по лицу. Перчатки куда-то подевались, но мне сейчас было не до них. После того, что случилось, проверять нужно было не перчатки, а на месте ли руки-ноги. И оценивать степень повреждений остального туловища.

Руки с ногами оказались на месте и даже, кажется, в целости. Болели плечо и рёбра с правой стороны, хотя, насколько можно судить, обошлось без переломов. Радоваться я, однако, не спешил — пока организм, что называется, на адреналине, самочувствие толком не проверишь. Потом могут ждать самые неприятные сюрпризы.

Но это потом, а сейчас сильно болела голова. И почему-то я не валялся под откосом трассы, а сидел прямо посреди неё. Неужели выполз, не приходя в сознание?

А ещё куда-то подевался весь туман, и небо на меня смотрело пасмурное, совсем не то, которое провожало меня в туман пять минут назад...

— Хау а ю? — прозвучал у меня над головой неожиданный голос.

Я обернулся.

Человек с русой бородой, одетый в серебристую куртку, возвышался рядом со мной.

— А ю окей?

Он протянул мне лыжу.

— Вроде нормально, — пробормотал я. — В смысле: ай эм окей, сенк ю... Но вот это не моё.

Лыжа была чья-то чужая — чёрного цвета и слишком широкая.

После моих слов по лицу человека пробежала тень. Он бросил на меня быстрый взгляд, нахмурился и обеспокоенно заозирался. Дальше он воткнул лыжу в снег рядом со мной, оттолкнулся палками и проворно покатил вниз.

Я посмотрел, как удаляются его серебристая куртка и пёстрая шапочка, а потом увидел кое-что другое. Увидел я свои ноги. На одной была надета лыжа — чёрная, напарница той,

что пытался отдать мне человек. Хм, так это что, моя? Поведение человека стало для меня понятным. Зато возникли другие, куда более тревожные вопросы.

Что это за лыжи такие, откуда взялись? Почему на мне эти штаны, которые, кажется, называют вельветовыми? Что за куртка? И где мой шлем?

Ну, шлем, допустим, мог слететь при падении. Однако вместо шлема на голове у меня оказалась вязаная шапка, тоже не из моего гардероба. Видать, головой я всё-таки приложился, раз теперь она так гудит и совсем ничего не соображает. «Череп-то хоть цел?» — испуганно подумал я, стянул шапку и принялся этот самый череп ощупывать.

Тут я позабыл и о головной боли, и о непонятной шапке. Обнаружилось кое-что куда более удивительное. Мою лет уже пятнадцать как лысую голову покрывали волосы!..

Прерывая моё недоумение, из-за поворота трассы показались люди. Двое, а потом ещё один. Молодёжь. Нет, не те, что ехали со мной в кабине подъёмника. Эти были другие, по-другому одетые, и катились они не на сноубордах, а на лыжах. И все трое без шлемов. Увидев меня, притормозили, а дальше все втроём устремились ко мне. Я услышал их голоса и понял, что это тоже иностранцы — переговаривались они, кажется, по-немецки. И лица были не наши, определённо импортные лица. Надо же, сколько их тут.

Но поинтересоваться моим самочувствием молодые немцы, или кто они там были, не успели. Из-за спин у них выскочил шустрый мужичок в яркой зелёной куртке. Ловко маневрируя на своих коротких лыжах, он заскочил перед подъезжающими ребятами и затормозил у самых моих ног, слегка обдав меня сухими снежными брызгами.

— Итс окей, гайз, — проговорил он, и его простодушное лицо осветила добрая располагающая улыбка. — Итс окей.

Немцы что-то пробормотали, мужичок ответил на немецком. Ребята поглазели на меня, на мужичка, неуверенно попереглядывались. Потом пожали плечами, взмахнули палками и дружно двинулись вниз.

Мужичок смотрел им вслед и мял во рту дымящуюся сигарету.

А когда молодёжная компания скрылась за поворотом, он метнул по сторонам пару быстрых взглядов и повернулся ко мне. Умело сбросил лыжи, присел рядом на одно колено. И, не меняя простоватого и участливого выражения лица, прошипел мне в подбородок на чистейшем русском языке:

— Сдурел, майор? Ты что, падла, натворил?

Глава 2

Казалось, этот тип сейчас навернёт меня лыжной палкой по голове.

Вполне возможно, так он и хотел сделать, но сдержался. Сверкнул сердитым глазом, пыхнул в сторону струёй сигаретного дыма. Подскочил, нацепил лыжи и резво пошуршал вниз по склону.

Его спина в весёленькой зелёной куртке мелькнула и скрылась за поворотом вместе с бубоном на вязаной шапке. А я остался сидеть на лыжной трассе в смятении чувств.

Этот феерический мужик мне незнаком, в этом у меня не было никаких сомнений. И в то же самое время в сознании всплыло уверенное: это Вася Кругляев из нашей резидентуры. Из какой ещё «нашей резидентуры?» — испуганно прислушался я к своим мыслям. И почему этот непонятный Вася назвал меня майором? На эти вопросы сознание ответа не давало.

Вообще-то одного человека по фамилии Кругляев я знал, ещё по школе, мы учились в параллельных классах. Но звали его не Вася, а, кажется, Роман. И он давно уже закончил свой земной путь, не пережив, подобно многим, наши «благословенные» девяностые.

Ну да бог с ними, с Кругляевыми — и с тем, и с этим. Нужно было срочно разбираться, что случилось со мной самим. Почему на мне чужие вещи? И — что, пожалуй, важнее — откуда взялись волосы на голове?

Может, показалось? Я провёл ладонью ото лба к затылку. Да нет, не показалось... Тогда я посмотрел на свою руку. Большая, широкая кисть с разбитыми боксёрскими костяшками, с лезущей из-под курточного рукава чёрной шерстью. Рука была не та, к которой я привык. Не моя это была рука.

Что это такое со мной творится, чёрт побери?!

Однако пора было уже отсюда выбираться, сидение в снегу ничего не прояснит.

Тут открылся ещё один нюанс моего положения. У лыжи, что привёз мне самый первый бородатый «а ю окей», оказалось повреждено крепление. Оно болталось на единственном гнутом шурпе, и ехать, таким образом, возможности у меня не было.

Собрав лыжи и палки в охапку, я отправился вниз пешком. Но прошёл, держась края трассы и стараясь не поскользнуться, я совсем недолго. Один из лыжников, которые время от времени проносились мимо, притормозил рядом со мной. Бросил мне под ноги в снег комплект из пары лыж и, не сказав ни слова и даже не взглянув в мою сторону, тут же последовал дальше.

Я не раздумывая принял эту помощь от неизвестного доброжелателя. Оставил на обочине своё поломанное и довольно быстро приехал к окончанию трассы.

Там всё было забито людьми в разноцветных зимних одеждах. Непривычного, старинного какого-то вида подъёмники отправляли кресла с лыжниками вверх по канатной дороге, работали кафе и магазины, из динамиков пела АББА. Место было чужое и мне не известное, но к этому я оказался морально готов. Да и незнакомые вывески, что пестрели исключительно латиницей, сильно не удивили — я и так уже понял, что едва ли вернусь в сочинскую Красную Поляну.

Но сейчас меня больше интересовало другое.

Оставив лыжи на одной из множества специальных уличных стоек, я отыскал в окружающей суете указатель с буквами W и C. Скоро я уже тянул на себя дверь с нарисованным мужским силуэтом.

Сразу же, в тамбуре, оказалось то, что нужно — большое зеркало.

И из того зеркала на меня посмотрел незнакомый мужик.

Я отпрянул, потряс головой, чтобы прогнать наваждение, рефлекторно схватился за раковину. Разумеется, не помогло. Умом я уже понимал, что влип, никакое это не наваждение, а моя новая реальность.

— А ю окей?

Благообразный импортный дедок у соседнего умывальника повернул ко мне седую голову.

— Да окей, окей, ну вас всех нафиг...

Не отрывая взгляда от льющейся из крана воды, я намылил и сполоснул руки. Потом поднял глаза к зеркалу. Оттуда на меня смотрел всё тот же незнакомец с высокобленными щеками и тяжёлым подбородком, широкоплечий и насупленный.

Итак, я в чужом теле. Как ни дико, но это объективный факт.

Теперь нужно было выяснить ещё кое-что.

Выйдя на улицу, я побрёл по брусчатому тротуару, поглядывая по сторонам. И скоро увидел то, что искал. Чисто газетный киоск, явление в наше время подзабытое — но насчёт того, что время здесь никакое не наше, я уже не сомневался. Непривычная одежда, простоватые кабины подъёмников, никаких светящихся рекламных панелей и экранов, автомобили стареньких моделей на парковке. И самое главное — ни одного человека с мобильным телефоном.

В кармане у меня позвякивала денежная мелочь, но нужные цифры на газетном развороте я увидел и так, через стекло. Цифры эти были: 1977.

Ого. Ну, здорово. Теперь бы кто ещё рассказал, кто я здесь, в этих заграничных семидесятых, такой.

И тут в голове откуда-то всплыл ответ.

Меня зовут Николай Смирнов. И я советский разведчик.

***

Куртки и шапки примостились на батареях, ботинок мы не снимали. Вася Кругляев бродил по гостиничному номеру от стены к стене, и на полу за ним оставались мокрые следы.

Вася, как и я, был майором. И он сейчас пребывал в очень нервном расположении духа.

— Нет, ну как ты вообще умудрился так навернуться, а?! — разговаривать нам пришлось негромко, но злость рвалась у Васи изнутри, заставляя его мучительно гримасничать и зверски вращать глазами. — Как?!

Он остановился напротив меня, от него густо пахло куревом.

— Ты же сибиряк, Коля, у тебя разряд по лыжному спорту... Тебя и мамка, наверное, родила прямо в снегу, на лыжне. А тут...

Васина рука взмахнула в воздухе и горестно повисла. Он слегка походил на советского актёра Брондукова, что играл инспектора Лестрейда в фильмах о Шерлоке Холмсе, пьющего персонажа «Афоня, ты мне рубль должен», и много кого ещё.

— Да, грохнулся ты жутко, — поддакнул наш третий коллега, румяный молодой блондин. — Мне поначалу даже показалось, что тебя подстрелили.

Откуда-то я знал, что блондина зовут Сергей Кисляк и звание у него капитанское. Это он привёз мне лыжи там, на трассе.

Из неочевидного источника в голове я почерпнул и суть нашей провалившейся операции. Бородач, что подъехал ко мне со своим «а ю окей?» первым, служил на американской авиабазе в Норвегии. Он и являлся объектом нашей разработки здесь, на лыжном курорте в шведском городке. Предполагалось, что это он свалится на склоне, специальный человек в лыжном прокате должен был подсунуть ему повреждённые лыжи. И тогда добрый Вася помог бы ему, и так состоялось бы их знакомство, а дальше, не исключено, и вербовка. Но грохнулся на трассе почему-то не он, а я.

Когда бородатый подвёз мне лыжу, это получилось в чём-то даже и лучше. Но вместо того, чтобы позволить себе помочь, познакомиться с объектом и потом ненавязчиво передать

его Васе, я заговорил с ним, объектом, по-русски. Объяснить коллегам, зачем я так поступил, было теперь непросто.

— Ты что, накатил там, в кафе, когда мы с Серым ушли?

Вася подозрительно вперился в меня взглядом.

— Не болтай ерунды.

Фраза эта сама по себе вылетела у меня изо рта. Я даже немного обалдел от такого поворота. Мне стоило больших усилий не подать вида, что со мной что-то не так.

Но слова эти оказались правильными. Да и тон, которым они были сказаны, тоже. Вася сделал ещё два прохода от стены к стене, плюхнулся на кровать и принялся ожесточённо чесать висок. Мне подумалось, не будет ли правильным рассказать о том, что случилось с одной из моих лыж. Но какое-то внутреннее чувство подсказало, что лучше с этим повременить.

— Ладно, — произнёс Вася после недолгого раздумья. — Дело, конечно, дрянь. Ввиду сложившихся обстоятельств я предлагаю...

Но что собирался предложить майор КГБ Василий Кругляев, узнать нам не удалось. Потому что по коридору затопало множество ног, а потом раздался стук в дверь.

— Открывайте, полиция! — донеслось из коридора.

Вася замер на полуслове, а Кисляк резко втянул голову в плечи. Говорили в коридоре по-английски, но от этого было, понятно, не легче.

А легче было от того, что стучали и кричали не в нашу дверь. Вернее, тоже в нашу, но от другого номера, в самом конце коридора. В глубинах моего сознания шевельнулась мысль о том, что резервировать дополнительные номера по чужим документам — это при работе на выездах весьма полезная практика.

За несколько секунд я был уже на ногах и застёгивал куртку. В голове как будто включился некий код, регламент на случай подобной нештатной ситуации. Я знал, что нужно делать, и делал это автоматически, на рефлексках. Балконная дверь тихо скрипнула, выпуская в комнату морозный воздух и отдалённые звуки дискотеки 70-х.

Вася и Кисляк, одеваясь на ходу, деловито выбрались на балкон и оглянулись. Я махнул им: «Вперёд, чего встали». Вася кивнул, и они заторопились вниз по пожарной лестнице. Я же вернулся в комнату и прислушался, что там творится в коридоре. Похоже, там пытались разобраться с заклиненным замком, до выбивания дверей дело пока не дошло. Я наскоро осмотрел номер на предмет того, не оставили ли мы здесь чего-то ненужного, и направился на балкон вслед за товарищами.

Металлические ступени пожарной лестницы гулко стучали под подошвами моих ботинок. Спустившись с четвёртого на второй этаж, где лестница заканчивалась, я спрыгнул на припорошённый снегом асфальт. Спины Васи и Кисляка мелькнули и пропали из вида за углом по правую руку. Мне же было нужно в другую сторону. Проворно, но не показывая спешки, я пошагал вдоль гостиничной стены.

Из здания напротив с любопытством смотрела пожилая леди с высокой причёской. В другом окне пялились и тыкали в меня пальцами двое пацанов. Тревоги, однако, никто не поднимал и в форточку не орал, а так-то пусть смотрят, не жалко.

Повернув за угол, я едва не врезался в столбывившего там молодого парня. На нём синела полицейская форма. И тёрся здесь он скорее всего не просто так.

Мы оба подпрыгнули от неожиданности. Он взглянул на меня со смесью подозрения и испуга. Но тянуть руку к кобуре или кричать, подзывая кого-то из своих, не спешил. Нужно было поскорее преодолеть это препятствие.

Первым порывом было вырубить бедолагу, да и дело с концом. Место было безлюдное. Я с удивлением почувствовал в себе уверенность, что могу сделать это тихо и быстро. В голове мелькнули картинки-ощущения четырёх или пяти подходящих способов.

Но тут сознание озарила другая идея.

В моей руке оказалось удостоверение. Я развернул его и сунул застывшему полицейскому под нос примерно на полсекунды.

— Военная контрразведка.

Произнесено это было по-шведски, уверенно и без малейшего акцента.

Судя по всему, разглядеть парняга успел только фото и размытую печать. Документ этот удостоверял, что его предъявитель является почётным членом одного respectable бридж-клуба датского города Фредериксберг. И он был намеренно сделан таким солидным и упакован в убедительную кожаную обложку. Предъявлял я эту «ксиву» часто и с неизменным успехом. Вернее, не я, а тот, кто обитал в этом туловище и жил этой увлекательной шпионской жизнью до меня.

Парень кивнул и выдохнул с явным облегчением. У меня тоже отлегло от души, причинять ущерб оказавшемуся в неудачном для себя и меня месте случайному молодому шведу совсем не хотелось.

— Стойте здесь. Если кто-то полезет из окон, немедленно задерживайте, — показал я стражу закона и порядка участок для приложения его служебных способностей. Естественно, по-шведски. И, естественно, без акцента.

Тот козырнул, нахмурился и деловито пошагал за угол здания.

Сам я, мысленно поблагодарив сознание находчивого майора, направился в другую сторону.

Автомобильная стоянка была заставлена машинами производства Европы и немного Японии. Модели казались смутно знакомыми, скорее по старым фильмам, чем по моим реальным воспоминаниям. Я имею в виду того меня, который попал сюда из 2025 года. А не бравого и загадочного майора разведки, что запросто сгигает с балконов и считает для себя приемлемым вырубать при необходимости служащих полиции в стране своего временного пребывания.

Между тем память Николая Смирнова (по крайней мере, какие-то её фрагменты), постепенно встраивалась в мою собственную.

Нужная машина, замызганный и неприметный в ряду другого такого же ретро серый фиат, оказалась присыпана снегом. Я прошёлся вдоль автомобильных рядов, делая вид, что не могу вспомнить, куда поставил своё средство передвижения. На самом деле я проверял обстановку. Кажется, наблюдения за моим фиатом не велось. А прилепленные в нужных местах специальные волосинки подтвердили, что и внутри никто любопытный не совался.

Двигатель я почти не прогревал, задерживаться здесь не стоило. Завёлся, убрал снег с лобового стекла. Сначала растерялся, не найдя, чем счистить самое намёрзшее, потом вспомнил, как в далёкой молодости делал это пластмассовой штукой под названием подкассетник. Да, здесь тоже должны такие быть, вместе с кассетами для магнитофона. Полез шарить по машине — и отыскал специальный скребок. Ну да, здесь же Европа, цивилизация. Теперь-то оно и у нас так, а местами даже и получше. А раньше, было дело, соскребывали лёд подкассетниками.

Очистил стёкла да и тронулся в дорогу.

Путь до Копенгагена предстоял неблизкий.

Шоссе с шуршанием стелилось под колёса. Мой фиат резво глотал белые макароны разделительной полосы. Горные серпантины быстро закончились, по сторонам дороги замелькали разноцветные домики с шапками снега на крышах.

В странах Скандинавии мне в прошлой жизни побывать не довелось, но именно так я всё себе и представлял. Компактное, однообразно яркое, благополучное. А может, благополучие это только мнимое.

Ну ладно, то всё их проблемы. А у меня сейчас свои — да ещё какие.

Версию о том, что всё это бред моего угасающего сознания после удара головой о дерево, я отбросил. Нет, тело моё, может, и находится сейчас в 2025 году. Не исключено и то, что

пребывает оно в коме. Но сам-то я здесь. И всё кругом слишком реальное, не похожее на сон. Шоссе, цветные домики, облака на небе. Гладкая баранка руля под рукой. Душноватый запах горячего воздуха, что лупасит в салон из-под лобового стекла. А если чуть вытянуть шею, в зеркале заднего вида появится лицо, хмурое и задумчивое. Теперь это я.

А ещё появились великолепные рефлексy и мышечная память тренированного тела Николая, майора Смирнова.

К тому же существовал ещё один нюанс. Забросило меня вихрями времени не в сознание юного пионера, не в рабочего или колхозницу, и не в партийного какого-нибудь деятеля. А в человека специального, обладателя редкой шпионской профессии. Едва ли это вышло случайно. Потому что в шпионской теме я и сам в некотором роде не то чтобы совсем чужой...

Но мысль эту мне додумать не удалось.

За моей машиной обозначилась погоня. И преследователи быстро приближались.

Глава 3

Этот тёмный опель маячил у меня за спиной уже с полчаса. Он то отставал, то снова почти что тыкался в самый бампер моего фиата. Когда я сбавлял скорость, автомобиль с молнией на эмблеме тоже замедлялся, когда я придавливал газ, тот и себе начинал лететь с изрядным превышением.

Что делать разведчику, обнаружившему, что за его машиной следят? Отрываться, нестись на красный сигнал светофора, петлять с визгом шин по пустым переулкам, как это показывают в кино? Конечно же нет. Так вы только раскроете себя, и дальше вам и шагу будет не ступить без толпы соглядатаев на хвосте. Или, что ещё хуже, к вам приставят таких смыслёных ребят, что и не всегда будет возможно определить, под наблюдением вы сейчас или нет. Нужно просто отменить все свои не предназначенные для глаз противника дела, перенести их на другой день, когда слежки не будет. Это если ты находишься в своём городе. При выездных акциях нужно смотреть по обстоятельствам.

Эти и некоторые другие вещи я знал, хотя шпионом никогда не был и отношение к разведке имел очень опосредованное. Там, в 2025-м, зарабатывал на жизнь я журналистикой. Писал обо всём, за что платили деньги. В основном о современной политике. Но как раз недавно делал большую серию статей на тему шпионажа и тайной работы разведслужб. Погрузился в это дело на два месяца. Не то чтобы стал прямо специалистом, но некоторые не всем известные факты и нюансы узнал.

Встроившаяся ко мне в голову молчаливая частичка сознания майора КГБ Смирнова правильность моих мыслей насчёт слежки подтверждала.

Дорожная табличка указала на посёлок по правую руку, длинное его название русскоязычный рот едва ли выговорил бы с первого раза. Там обещались заправка и магазин продуктовых товаров. Заправляться мне пока не требовалось, с голода я тоже не умирал. Но когда показался поворот, я крутанул руль и направил свой фиат туда, к посёлку. Слежка меня не страшила, наша операция уже так или иначе закончилась. А хотели б задержать, так давно догнали бы. Возможно, это офицеры шведской службы безопасности СЕПО давали понять, что они догадываются о моей служебной принадлежности, и намекали, что таким как я здесь не рады.

К этому я относился с пониманием.

Однако же нужно было кое-что проверить. Чужая память подсказывала, что скоро пойдут пустынные участки дороги, и сюрпризов от этих непонятных попутчиков не хотелось ни мне, ни майору.

Опель свернул к посёлку вслед за мной. Проехав с полкилометра до заправочной станции, двум свободным колонкам под жёлтым навесом, я подрулил к одной из колонок. А когда опель остановился у соседней, я, будто бы передумав, развернулся перед дверью заправочного кафе и выехал назад на дорогу. Мои преследователи, а в машине я успел заметить двоих, тут же повторили мой манёвр.

Это был не очень хороший признак. Будь в машине шведские спецслужбисты (равно как и любые другие), они бы и на заправку заезжать не стали, подождали бы меня где-нибудь поодаль.

Я свернул налево и поехал в сторону посёлка. Опель не отставал.

Анонсированный дорожной вывеской магазин оказался совсем крохотным, размером с половину трамвайного вагона. Я тормознул фиат на раскатанном шинами снегу, проворно выбрался из машины и шагнул внутрь. За прилавком, на фоне полок с кока-колой и прочей бакалеей, сидела длиннолицая, похожая на усталую лошадь продавщица. Я спросил, есть ли у них пиво «Балтика» светлое, и она застыла в недоумении. Когда она замотала головой, я уже шёл к выходу — заходил я сюда, конечно, не за пивом.

А в дверном проёме как раз показались двое, парняги из опея. Я ещё на заправке заметил, что они довольно колоритны, и теперь это впечатление подтвердилось. На обоих чернели кожаные куртки с заклёпками. Один был лохмат как рок-звезда, бритый череп второго блестел отражённым светом магазинного светильника. У лысого под ухом синела похожая на паука вытатуированная свастика. Лохматый свои нацистские взгляды предъявлял миру посредством нашивок на куртке: там раскидывал крылья серебристый орёл, виднелась эсэсовская сдвоенная молния и прочие гадости.

Оба они были лет тридцати — и немаленькие, рослые.

Лохматый, проходя, бросил на меня колющий взгляд и задел локтем. Я обернулся, но он уже тёрся у прилавка, разглядывая полки. Повернувшись обратно, я увидел, что лысый стоит прямо у меня на пути. Его бесцветные водянистые глаза смотрели в упор, а изо рта несло чем-то невероятным.

— Рашен? — он сунул мне в грудь палец с корявым и грязным ногтем.

Вопрос, надо признать, оказался неожиданным и меня несколько озадачил.

— Да уж не из ваших, — нашёлся я с ответом, получилось почти что в рифму.

Собеседник вряд ли меня понял, но этого и не планировалось.

Я отодвинул его руку, а вместе с ней убрал у себя с пути и его самого. Вышел из магазинчика. Кажется, я понимал, чего хотят эти душевные ребята. И даже был настроен пойти им навстречу. Вот только место для этих целей мне подходило не очень.

Им, видимо, тоже.

Но как они узнали, что я «рашен»? Точно не по дипломатическим автомобильным номерам — фиат был местный, взятый на время у надёжных людей.

Отъехав от магазина метров двадцать, я увидел, как опель выбирается на дорогу и ползёт за мной. Ну, не случись этого, было бы удивительно. Свернув опять к заправке, на этот раз я остановился не у колонки, а ближе к кафе. Прошёл внутрь обклеенного рекламой павильона, небольшого, на шесть пустующих столов. Спросил усатого мужичка за стойкой про туалет. Отыскал в коридоре нужную дверь, заперся в маленькой комнатке с замазанным белой краской окном...

И нашёл, что теперь место вполне удачное.

Долго ждать не пришлось. В коридоре зазвучали грубые голоса, в дверь забарабанили кулаками, потом стукнули ногой.

Тогда я шагнул к окну. Крутанул задвижку, потянул на себя, и оконная створка подалась с протяжным скрипом. Это было самое то, что нужно. Дальше я вернулся и встал в стороне от двери, там имелась удобная ниша для раковины. И нашёл себе место я вовремя: дверь стали выбивать.

После третьего удара замок не выдержал и дверь со стуком распахнулась. В раскрытом положении она как раз перекрывала нишу, а вместе с нишей и меня. В образовавшуюся щель я стал наблюдать, что будет дальше.

Первым в сортирное помещение вломился лохматый. Он сразу подскочил к окну, из которого вовсю несло холодным воздухом, что-то крикнул и рванул обратно. В окно лезть не стал — оно было для этого не очень удобное, узковатое. Лысый пропустил его, подбежал к окну тоже. Этот повёл себя более основательно: забрался с ногами на унитаз и ненадолго высунул лысину наружу. Видимо, рассчитывал узреть там улепётывающего меня.

Он спрыгнул на пол, собираясь бежать вслед за лохматым, но тут я толкнул дверь, и она захлопнулась у него перед носом. Одновременно я шагнул из своего укрытия с уже отведённым для удара кулаком.

— Гитлер капут, чувак!

Он успел чуть отдернуть голову, так что первый удар прошёл вскользь. Но за первым тут же последовал второй. На этот раз кулак впечатался в челюсть точно и смачно, лысый отлетел на стену и там же под ней молчаливо и устроился. Да, боевые навыки у майора Смирнова оказались что надо. Однако расположение лысого под стеной мне не подходило, я перетащил его к двери и засунул в нишу, усадив на кафель под раковиной.

Дальше я переместился к окну и прижался к стене.

Скоро снаружи заскрипел снег. Шаги стихли, а через паузу напарник отдыхающего лысого сунул свою лохматую голову в окно. Этого я и ждал.

— Чего смотришь? Заходи!

Будь на месте лохматого его напарник, тому, может, и удалось бы избежать беды. Чтобы затащить его внутрь, мне пришлось бы хватать за куртку, за толстый кожаный воротник — и кто знает, как бы оно повернулось. Но с обладателем изрядной шевелюры всё вышло быстро и ловко. Вот патлатая нацистская голова просовывается в оконный створ, а вот её хозяин уже с жалобным воплем мелькает внутрь и елозит ногами по полу. Затем он с моей помощью ударяется затылком о кафель. Не сильно, но и не слабо — как раз достаточно, чтобы расслабиться и затихнуть.

Я по-быстрому обыскал этих двоих. Это, конечно, были никакие не профессионалы — так, шпана. И в карманах у них не оказалось ничего интересного. Ну, почти. Сигареты, зажигалки, у лысого складной нож. Документов нет. Деньги: малая сумма в шведских кронах, а ещё вот оно: пять десятидолларовых купюр. Не эти ли зелёные банкноты ребята пытались здесь в меру своих способностей отработать? Нанять их могли для того, чтобы втянуть меня в неприятности в виде общения с полицией, в том или ином виде. И обеспечить мне возможное задержание, пусть и на время. А мне здесь, в Швеции, светиться совсем нежелательно.

Узнать бы, что за «доброжелатель» задумал это устроить. Но эти два обалдуя ничего полезного рассказать не смогут, даже если их хорошенько попросить. В лучшем случае выяснится, что подзаработать им предложил незнакомый человек в дорогом пальто. Вряд ли тот, кто это затеял, оставил им визитную карточку или подарил на память свою фотографию.

Как бы там ни было, провокация провалилась. Нужно поскорее ехать дальше. Но сначала...

Усатый мужичок, что любезно допустил меня в кафешный сортир, сейчас настороженно выглядывал из-за стойки, как хомяк из норы. Мне показалось, что увидев выходящим из коридора именно меня, дядька этот вздохнул с облегчением. Нацепив на лицо дружелюбное выражение, я задал ему неожиданный вопрос: есть ли у него в хозяйстве скотч? Не скотч в смысле шотландский виски, а тот скотч, который клейкая лента.

Мужичок вытаращил глаза, и я уже засомневался: неужели скотч в эти годы ещё не придумали? Да нет, какой-то ушлый американец изобрёл эту универсальную и полезную штуку ещё, наверное, до Второй мировой. А вот в Советском Союзе его, кажется, не было. По крайней мере, в своём детстве я ленту-скотч совсем не помню.

И очень зря, что не было в СССР скотча. Пусть даже и привозного, буржуйского. А если бы поднапряглись и смогли наладить производство своего, отечественного... Тогда, может, и страна не развалилась бы. Замотали, скрепили бы в проблемных местах. Эх...

Вот такая ерунда крутилась в голове, пока я трещал мотком скотча, что одолжил мне усатый мужичок, отыскал-таки в хомячьей своей норе. Я связывал незадачливых нацистов, позор шведского народа. Не просто связывал — прижал их друг к другу щеками и животами, так и примотал, не пожалев скотча. Очнутся, будет им сюрприз. Пусть полиция обнаружит их в таком вот позорном виде.

Мужичок стоял у двери, смотрел, одобрительно цокал языком. Фашистов он определённо не жаловал. Едва ли он был скрытым или явным коммунистом, у скандинавов с этим всё же туговато. Но чтобы не любить фашистов, достаточно быть просто нормальным человеком.

Тут я прервал своё занятие — из кафешного зала донеслись звуки. Там кто-то ходил. И по лицу мужичка стало понятно, что звуки эти его тоже озадачили. Мгновенно отложив связанную парочку в сторону, я быстро и бесшумно пошагал в зал.

У стойки оказался массивный тип в тёмном шерстяном свитере и армейских штанах. Перегнувшись, он делал с другой стоечной стороны какое-то мне невидимое действие. И что-то подсказывало, что тип этот принадлежал к той же фашиствующей компании. Может, профиль его головы, с низким лбом и чересчур выпирающей нижней челюстью. А может, прислонённая к стойке и изрисованная свастиками деревянная бейсбольная бита.

Интересно, откуда он взялся, неужели прятался на заднем сиденье опеля?

Тип в свитере выпрямился — и оказался ростом ещё больше, чем показалось мне вначале. В нём было метра два с лишним. Ничего себе, сорт «Гигантелла».

Но, что было важнее, возле уха у него белела цапнутая толстой ручищей телефонная трубка.

— Алло, полиция? — раздался голос гиганта.

Ага, значит, всё мной предполагалось верно.

Рванув вперёд, я оттолкнул здоровилу от стойки. Телефонный шнур натянулся, я поймал аппарат и нажал на рычажок. Отбой связи, не надо никого сюда вызывать.

Услышав в трубке короткие гудки, амбалистый парняга тут же пошёл в атаку. Сначала он швырнул в меня трубкой. Потом в воздух взметнулось его деревянное орудие — бита. Противник шагнул вперёд, замахиваясь, и в кафе как будто потемнело. Я отступил между столиками.

Он не пугал, не махал впустую, а надвигался с намерением приложить меня наверняка. С такими габаритами он наверняка только так и привык прикладывать. По сосредоточенному выражению его глаз было понятно, что настроен он серьёзно. Он выбирал момент.

Мои руки сами собой поднялись и застыли на уровне груди. Я прислушался к своим ощущениям. Конечно, я пребывал на кураже после удачного отоваривания той сортирной парочки придурков. И в то же время сердце тревожно колотилось. Всё же не каждый день на меня нападают такие годзиллы, да ещё и с битами наперевес. Нет, когда-то я тоже занимался. Но как же давно это было. Так что сейчас я — да, чуток мандражировал. Однако где-то в глубине души ощущалась спокойная уверенность. И даже...

Сначала я списал это на воздействие адреналина, но потом понял: нет, всё верно. Это была откровенная радость. Запертый где-то в подвалах моего сознания, непонятным образом заблокированный, заархивированный там, как zip-файл на компьютере, майор Смирнов очевидно одобрял происходящее. Положительно оценивал масштаб задачи. И радовался тому, чем его тренированному туловищу придётся сейчас заниматься.

Поняв это, я выдохнул и положился на чужие рефлексy и на то, что называют памятью тела.

Гигант наконец решился. Он махнул битой в ложном выпаде, затем сиганул вперёд. Бита описала в дугу и мелькнула в том месте, откуда я за долю секунды успел убрать голову. Лицо обдало потоком воздуха. Дальше амбал попытался ткнуть битой снизу мне в пах. Потом вернулся в исходную позицию, коротко замахнулся сбоку и поспешил с новым ударом. Бита грохнула по столешнице и взметнулась для нового удара.

Я смотрел и понимал недобрым пониманием майора Смирнова, какой же этот тип нелепый. Большой и мясистый, как ходячая котлета. Неповоротливый, как тролль из северных сказок.

Пора было с ним заканчивать, а то он все столы здесь переломает.

Увернувшись от следующего удара, я шагнул вперёд. Рука сама знала, что ей делать. Кулак смачно впелся в солнечное сплетение, и в груди амбала ухнуло. Этого хватило. Бита выпала из рук и с грохотом поскакала по полу. Противник мой замычал и ссутулился. Он как

будто сдувался на глазах. Глаза выпучились, он мучительно захватал ртом воздух и вместо Годзиллы стал похож на некрасивую туповатую рыбу.

«Это тебе не левых на демонстрациях гонять и не бастующих рабочих запугивать, гнусь ты нацистская», — всплыла в голове угрюмая мысль, не моя, но мне вполне понятная.

Я приготовился закончить дело ударом прямой ладонью в нос, потом передумал — зальёт тут кровью всё на свете. Бахнул апперкотом в челюсть. Помог большому обмякшему телу завалиться на пол, а не на стол и не на стулья. Выпрямился.

Усатый кафешный хозяин смотрел на меня во все глаза со смесью ужаса и восхищения. Да что там, я и сам смотрел сейчас на себя примерно так же.

Поправив сдвинутые столы и вернув правильное положение паре опрокинутых стульев, я обратился к усатому с небольшой просьбой. Объяснил, что тороплюсь и общение с полицией не входит в мои планы. Сказал, что понимаю: звонить ему всё равно придётся. И предложил сделать это не сразу, а минут через десять после моего ухода.

Мужичок сверкнул глазами и встопорщил свои бравые хомячьи усы.

— Полчаса, приятель, — заверил он, — у тебя есть полчаса. И разрази меня гром, если я успел увидеть марку и цвет твоей тачки.

Я благодарно кивнул и поспешил к машине. Подумав про себя, что в этих своих семидесятих они разговаривают точь-в-точь как персонажи в старом американском кино.

Когда я забирался в фиат, взгляд мой упал на тёмный опель, что приткнулся между заправкой и кафе. Подумалось: а не будет ли правильным временно лишить этих оболтусов средства передвижения? Память майора подсказала, что в багажнике фиата среди всего прочего имеется одна интересная бутылочка. Этикетка на ней гласит, что внутри неё плещется жидкость для розжига костров. И действительно, если пшикнуть этим на дрова и поднести спичку, полыхнёт так, что будь здоров. Но вообще средство это предназначено для других целей. Если пшикнуть не на дрова, а, например, на автомобильную крышу, резина тихо и неотвратимо запузырится, а уже через пару минут...

Но нет — поразмыслил я, и спецсредство решил не применять. Оставлять следы было ни к чему. Да и времени терять тоже не стоило.

Пора, пора было выдвигаться в королевство Дания. А то здесь, на родине Нобелевской премии и толстяка в штанах с пропеллером, я что-то подзадержался.

Глава 4

Советское посольство в Копенгагене располагалось напротив английского и американского. А в треугольнике между ними темнели камни старого военного кладбища. Не то, чтобы это что-нибудь означало или символизировало, просто так получилось. Шпионы из разных стран не гонялись друг за другом по ночам между могил, не прятались за скорбящими бетонными ангелами и не пытались ткнуть противника в мягкое место отравленным зонтиком. По ночам шпионы чаще всего спали. Причём не здесь, в посольских зданиях, а в обычных городских квартирах, как нормальные люди.

Ну а когда не спали, то старались обделывать свои тёмные дела не вблизи посольств, а наоборот, где-нибудь отсюда подальше. Носились по всему городу, высматривали на столбах нарисованные мелом полоски — весточки от нелегалов. Оставляли для тех же нелегалов мини-контейнеры с деньгами и зашифрованным списком задач в тайниках в безлюдных переулках и общественных туалетах. Забирали эти контейнеры с сообщениями или микроплёнками. Встречались со своими агентами и источниками. А также проводили десятки других встреч, предназначенных только для того, чтобы скрыть за ними свои настоящие контакты.

Иногда случались дипломатические приёмы. Тогда шпионская братия толкалась там среди «чистых» дипломатов, подозрительно посматривая друг на друга и пытаясь составить профессиональное мнение, кто есть кто.

О том, как оно происходит, я знал и раньше, в старой своей жизни — читал, да и сам писал. Здесь же, на месте, всё обрастало конкретикой и подробностями. Чужая память подбрасывала информацию, незнакомые места озарялись узнаванием, превращались в знакомые. Шёл второй день моего «попадания», а я уже начинал к такому положению привыкать. И это немного меня беспокоило.

Наш советский посольский комплекс внешне походил на солидный отель. За высокой оградой среди ухоженных деревьев и кустов прятались три отдельных немаленьких виллы. Аккуратные бетонные дорожки соединяли их друг с другом, а также со зданием клуба, небольшим спортивным центром и другими строениями.

Одна из вилл была выделена под нужды резидентуры. Естественно, надпись «Резидентура КГБ» над дверью там не висела, официально здание занимали «чистые» посольские и консульские отделы. Сам майор Смирнов имел, как и другие офицеры, дипломатическое прикрытие и числился в скромной должности помощника пресс-атташе.

Подвальное помещение этой особенной виллы было непростое. Оно представляло собой бункер, оборудованный для всяких разведывательных нужд. Там располагались кабинет шифровки и дешифровки, секретное хранилище со шкафами на кодовых замках и несколькими тяжёлыми сейфами, фотолаборатория и ещё всякое. На первом этаже сидел технический персонал. На втором — резидент и мы, оперативники. Там имелся относительно большой зал для собраний, зал поменьше для собраний в узком кругу, а также рабочие кабинеты. На третьем, чердачном этаже был антенный центр, там работала группа радиоконтроля.

А в подвальном этаже имелся ещё и небольшой спортзал — скорее, просто комната с оббитыми матами полом и стенами да свисающей с потолка длинной боксёрской грушей.

Эту самую грушу я сейчас и лупасил от всей своей растревоженной души.

— Бум! — гулко разносилось по комнате. — Бум! Бум!

Взятые напрокат майорские кулаки резко и умело впечатывались в толстую чёрную кожу.

За вчерашний день я много чего передумал. Сначала, пока фиат мчался по зимнему и шершавому шведскому шоссе, мой не вполне отошедший от драк и приключений разум предавался эйфории. Вот это я им дал, а?! И там, в гостинице и рядом с ней было тоже классно,

ух... Даже сейчас, прыгая рядом с безответным спортивным снарядом, я вспомнил те ощущения, и по плечам пробежали приятные мурашки.

Я чувствовал себя как автолюбитель, который всю жизнь проездил на малолитражной машинке, а потом оказался вдруг за рулём мощного внедорожника. Придавил педаль — и обалдел от того, сколько дури обнаружилось под капотом.

Вчера, сразу после драки в кафе, по свежести впечатления это ощущалось совсем ярко. Потом, по мере того как содержание адреналина в крови приходило в норму, меня стали посещать другие мысли. И были они уже не такие радостные. Я вспомнил, что это не приключение и не игра, всё куда серьёзней и, может, даже трагичней. Почему, каким образом оказался я здесь? В этом теле и в этом времени?

Глядя с борта парома на свинцовые волны пролива Эресунн, что разделяет Швецию и Данию, а Северное и Балтийское моря наоборот, объединяет, я доразмышлялся до какой-то совсем отчаянной жути. Мне пришло в голову, что никакого меня, может, и не существует. Может быть то, чем я себя осознаю — просто флуктуация сознания майора Николая Смирнова? Следствие удара головой при падении на лыжной трассе. Или психического расстройства. А что — говорят, у шпионов мания преследования это обычное дело, так почему бы на этой почве не развиться ещё и раздвоению личности? И все мои воспоминания — бред, сплошная фата-моргана. И не было никакого будущего...

Не успев как следует напугаться, эту идею я отверг при помощи логики. Николай, насколько можно было судить, крепкий и надёжный мужик — но вот что касается воображения... Он просто не смог бы набредить себе всего этого. Даже в припадке разгулявшейся шизофрении. Просто мозгового ресурса бы не хватило. Да и я — никакая не псевдоличность. Нет, я настоящий. И воспоминания мои — тоже настоящие.

Буду исходить из этого.

И к посольскому доктору Лапидусу обращаться за помощью не стану.

***

Руководитель резидентуры сообщил, что задержится, и попросил начинать без него. Вёл собрание его заместитель по фамилии Пеняев, лысеющий толстяк предпенсионного возраста. Настроен он был решительно и к проштрафившемуся майору Смирнову повёл речь недружелюбно.

— Такое отношение к делу недопустимо! — вещал он, переводя глаза с одного присутствующего на другого, и изредка метал в меня быстрые осуждающие взгляды. — За последний период показатели нашей работы упали до самой низкой отметки. Нормальных вербовок нет уже третий месяц!.. И вот, когда наметилось что-то мало-мальски перспективное...

Вообще-то называть выход на того лыжного бородача чем-то «мало-мальски перспективным» было не очень правильно. В случае удачного исхода этот человек мог стать источником информации, о каком можно только мечтать. Пеняев всегда приуменьшал чужие заслуги, имела у него такая привычка.

— Из-за какой-то небрежности, — продолжал он, — я бы даже сказал: по причине халатного отношения к делу, все усилия многих людей — псу под хвост. Операция завершилась ничем. И это ещё хорошо, что никого там, в Швеции, не задержали.

Он замолчал, но буквально на несколько секунд.

— Что-то многовато у нас последнее время провалов и неудач, — загундосил он дальше. — А в Центре от нашей команды ждут слаженной профессиональной работы и, что самое главное, результатов!

Пеняев, оправдывая свою фамилию, продолжал пенять мне дальше. Я слушал вполуха и смиренно молчал. Эти пустопорожние словоизлияния надо было просто переждать. Я и не

рассчитывал, что за случившееся там, в горах, мне вручат почётную грамоту и выпишут премиальные.

Остальные восемь участников собрания сидели со скучающими лицами. Одни сверлили взглядами поверхность длинного прямоугольного стола. Другие задумчиво изучали большую карту города Копенгагена, что висела на стене.

— К тебе, Николай, — перешёл выступающий от конкретного к общему, — и раньше были претензии. Выпиваешь, это раз. Якшаешься со всяким международным сбродом, это два. Систематически пропускаешь доклады по политинформации, это три. И вот, дождались: сорвал важную операцию, подвёл товарищей.

По поводу выпивки крыть мне было нечем. Прибыв вчера около полуночи после нашей неудачной поездки, я успел изучить холостяцкое майорское жилище. Пустых бутылок там было столько, что за один раз и не вынесешь. А вот что касается якшания с международным сбродом, то об этом память Смирнова молчала. И жаль, это было интересно.

О своей повреждённой лыже я решил здесь не говорить. Чувствовал, что прозвучит это как совсем слабое оправдание. Лыжа оказалась повреждена? Почему сразу не проверил? А кто его знает, почему майор Смирнов её не проверил. Может, торопился и не успел. И о шведских неонацистах и своём с ними общении, назовём этот так, распространяться я тоже не стал. Что-то подсказывало, что так будет правильнее.

— В общем, — говорил дальше Пеняев, — так этого оставлять я не намерен.

Прозвучало это угрожающе и для меня тревожно. Кроме основной разведывательной работы Пеняев выполнял обязанности председателя посольского парткома, так что вес слово его имело немалый.

— Яков Борисович, — поднял руку Вася Кругляев, — можно? Я считаю, неправильно всё валить на майора Смирнова. На самом деле... Понимаете, там много чего пошло не по плану... Объект изначально выглядел настороженным. А ещё эта полиция в гостинице... Откуда она взялась? Мы-то там точно не наследили.

Вася, надёжный товарищ, подумал я с благодарностью. Единственный друг Смирнова здесь, в посольстве. Ну, ещё, пожалуй, доктор Лапидус. Вася, кстати, ни словом не обмолвился о том, что, валяясь после своего падения в снегу, я заговорил при объекте по-русски. Не сказал не только по возвращении, но даже там, при Кисляке, этого не упомянул. Иначе пришлось бы мне совсем худо.

— Ты тут корешка своего не выгораживай, — нахмурился Пеняев. — А то и тебе достанется. Ишь, спелись...

— Вообще-то, — вспыхнул Василий, — вербовка эта была моя! Я её три месяца подготавливал. Так что мне за случившееся больше всех обидно. А вы — спелись, выгораживаешь...

— Это неважно, — отмахнулся пеняющий человек Пеняев.

Он обвёл взглядом молчаливых участников совещания.

— Сергей, ты что думаешь?

Молодой Кисляк встрепенулся, мотнул блондинистой головой.

— Я не знаю, — медленно произнёс он. — Что стряслось с Николаем, сказать не могу, я находился в отдалении. Жаль, что так вышло, операция была важная.

Он коротко посмотрел на меня и отвёл взгляд. Вася при этом заскрипел стулом и что-то пробормотал.

— Важная, — эхом повторил Пеняев за Кисляком. — Была.

Его пятерня шлёпнула по столу, сдвигая в сторону очки в тонкой оправе и исписанные мелким почерком темноватые листы.

— Товарищи, — сказал он. — Мы с вами находимся здесь не просто так. Советский народ в лице коммунистической партии доверил нам нелёгкую и почётную миссию. Мы с вами сражаемся против капиталистической системы, пребывая на самых ответственных, самых передо-

вых рубежах этой борьбы. У нас нет права на ошибку и тем более на халатное, безответственное отношение к делу.

Громкими и правильными словами часто прикрываются паршивые дела. Чужая память подсказывала мне, кто таков этот Пеняев. Разведчик из него был так себе. Но показатели себе он научился рисовать самые высокие. Фиктивные, существующие исключительно на бумаге агенты якобы добывали для этого деятеля тайную информацию. Сведения эти, правда, выискивались самим Пеняевым на газетных страницах, чаще всего в «жёлтой» прессе. Вознаграждение же за эту «липу» выделялось вполне настоящее, в твёрдой валюте. И такой продуманный он был здесь, надо сказать, не один.

В лучшем случае Пеняеву могли рассказать какую-нибудь сплетню околополитические прохиндеи, что разводили его на дорогие ресторанные обеды. Знать каких-то действительно важных секретов датской политики они не могли по определению. Пара завербованных Васей секретарш приносили пользы на порядок больше, чем вся пеняевская агентура, и настоящая, и липовая. Но отчёты для начальства этот тип сочинять умел, тут не отнять.

Слушая его пафосные речи, я уже понимал, что закончатся они чем-то для меня весьма гадостным. Но я даже и не представлял, насколько.

— Исходя из вышесказанного, — продолжал Пеняев, — я считаю, что в наших рядах должны пребывать только самые достойные. Поэтому я буду рекомендовать руководству, — он бросил многозначительный взгляд на пустующее место во главе стола, — да, буду рекомендовать решение об отзыве майора Смирнова домой. И о его переводе на службу в другое место: туда, где его уровня и способностей будет достаточно.

Ты смотри, какая скотина, подумал я.

В большом зале для совещаний повисла тишина. Прекратилось всякое шуршание, ёрзанье, скрип стульев. Все взгляды усталились на Пеняева. А с него тут же переместились на меня. Кто-то смотрел с сочувствием, кто-то с неуверенным и осторожным злорадством. Какая непростая у них тут обстановка, в резидентуре-то.

— А работать кто будет? — буркнул себе под нос доктор Лапидус.

Он, похоже, переживал не столько за меня, сколько за общее шпионское дело. И это было правильно.

И товарищ мой Вася тоже набрал побольше воздуха, и явно не для того, чтобы с подлым Пеняевым соглашаться. Наоборот, он собирался спорить с ним с пеной у рта.

Но тут около двери кто-то значительно кашлянул. И все головы мгновенно повернулись в ту сторону.

Дверь щёлкнула, закрываясь. Вдоль стола с сидящими там людьми прошёл осанистый человек в хорошем костюме. Он пробирался на своё место. И место его находилось во главе стола. Здесь было не принято вскакивать при появлении начальства, всё же не армия. Однако все дисциплинированно замолчали и посмотрели на человека в костюме с почтением. Ну или, по крайней мере, с молчаливым вежливым приветствием.

Наш руководитель уселся на свой начальственный стул и обвёл всех спокойным взглядом. Потом выделил отдельный взгляд персонально для Пеняева. Едва заметно усмехнулся.

— Яков Борисович, Яков Борисович, — ласково произнёс он, вертя в пальцах изящную паркеровскую ручку. — Вот вы вроде бы попали во внешнюю разведку не из кавалерии... А как же любите рубить сплеча.

Его усмешка стала заметней, и многие с готовностью усмехнулись вместе с ним. Пеняев, впрочем, в это число не входил.

— В оперативной работе, — продолжал исполняющий обязанности резидента поучительным тоном, — успех никогда не гарантирован. Всегда подразумевается некоторая вероятность того, что осуществить задуманное не удастся. Иначе и быть не может. И если после каждого такого случая мы станем наказывать и отправлять на Родину кого-то из наших товарищей...

Он развёл руками в стороны, как бы предлагая всем вместе оценить нелепость такого решения. Коллектив в большинстве своём эту нелепость оценил.

— А наши неудачи, дорогой Яков Борисович...

Тут резидентурный начальник сверкнул глазом и перебил сам себя:

— Я бы, кстати, не спешил называть их провалами, очень уж неприятно звучит... Так вот, неудачи наши имеют под собой вполне объективные причины. И, хорошенько все вместе поработав, мы их — как неудачи, так и причины, — я в этом абсолютно уверен, очень скоро полностью изживём.

Он с лучезарной и чуть надменной усмешкой осмотрел собравшихся за столом. И закончил свою назидательную речь в том духе, что всё осознавший майор Смирнов примет, мол, в изживании неудач самое активное участие и вгрызётся в работу со всей энергией своего осознания и раскаяния.

Слово это было окончательным. Моему недоброжелателю Пеняеву после такого оставалось только недовольно посопеть, а потом молчаливо согласиться: да, мол, товарищи и коллеги, признаю, погорячился...

И вроде бы мне полагалось после такого начальственного зигзага выдохнуть украдкой и порадоваться. Всё же если и существовал в моём перемещении в прошлое какой-то смысл, едва ли он заключался в том, чтобы на другой же день быть выставленным с работы и с позором отправиться незнамо куда. Но во всём этом существовал некоторый изрядный нюанс. Очень важный. Моментально переворачивающий всё с ног на голову.

Этот наш руководитель, нестарый мужчина в дорогом пиджаке. Вальяжный, уверенный. И настроенный ко мне, судя по всему, вполне доброжелательно. Майор Смирнов, конечно, знал его.

Теперь узнал и я.

Руководителем местной резидентуры КГБ был подполковник Олег Гордиевский.

Предатель.

Будущий перебежчик.

Агент английской разведки.

Глава 5

Конечно, я знал о том, кто такой Олег Гордиевский. И раньше о нём слышал. А не так давно там, в будущем времени и прошлой жизни, пришлось даже написать об этом персонаже целую статью.

Родился он в самой что ни на есть благонадёжной семье. Отец его служил в НКВД и честно отработал в этом менявшем свои названия ведомстве до самой пенсии. Брат пошёл по стопам отца и даже пробился в элиту советской внешней разведки, стал разведчиком-нелегалом.

И вот в такой семье...

Отцу и брату в определённой степени повезло, они о художествах своего ближайшего родственника так и не узнали. Отец успел скончаться по возрасту, брат же, пребывая на задании где-то в азиатских джунглях, погиб от внезапной тропической болезни.

Олегу, в отличие от брата, достались для службы места куда более благополучные и комфортабельные. Скандинавские страны, потом Великобритания — там люди от эпидемий не умирали. Однако советского человека Олега Гордиевского скосил во время его пребывания на Западе другой недуг. Тоже, как оказалось, весьма опасный. Он захотел для себя красивой жизни в «капиталистическом раю». А если присяга и служба своей стране стали для этого препятствием, что ж...

Нет — потом, переметнувшись к противнику и сдав всех, о ком ему было известно, он стал рассказывать о своих давно лелеемых демократических воззрениях. Это было понятно: не скажешь ведь правду о том, что продал страну и товарищей за фунты стерлингов.

Самым примечательным в истории Гордиевского был побег из СССР, когда его, попавшего-таки под подозрение, отозвали из Лондона, якобы для утверждения на роль резидента. Тогда он как-то умудрился вырваться за границу и всплыл уже в Англии. Подробности я помнил не все, но сам этот эпизод вызывал особенно много вопросов.

И вот он сидел здесь, во главе стола. Давно уже завербованный англичанами и поставивший своё предательство, что называется, на поток. И успевший дослужиться до должности фактического главы датской резидентуры. Да и почему бы не дослужиться, если государство Дания, послушное настойчивым просьбам своих английских союзников, то и дело объявляет персонами нон-грата и высылает из страны советских дипломатов. И такими дипломатами, как нарочно, постоянно оказываются разведчики, которые могли бы составить Гордиевскому конкуренцию по службе.

Огорошенный таким поворотом, я кое-как досидел до конца собрания. Когда оно, наконец, завершилось и все расходились, Гордиевский бросил на меня мимолётный, но внимательный взгляд. Пересиливая себя, я кивнул и выдавил для своего заступника благодарную усмешку.

Участникам «шведского похода» было предложено отправляться по домам, отдохнуть после вчерашнего. Кисляк сразу куда-то умотал. Мы с Васей молча вышли с территории посольства и побрели вдоль старинных кладбищенских оградок, что помнили, наверное, ещё писателя Андерсена. Мысли мои, правда, сейчас занимал другой сказочник. Тот, который десять минут назад рассказывал о том, что провалы это не страшно, а неудачи, в общем-то, нормальная вещь. Если знать, на кого он работает на самом деле, то такие его рассуждения были вполне понятны.

Поразмыслив ещё немного в эту сторону, я вдруг кое-что понял. Так это же отлично, что здесь оказался этот иуда. Такое совпадения закономерно подводило меня к мысли о том, что, может, меня зашвырнуло сюда не случайно. Что я должен его разоблачить, остановить.

Вспомнив всё, что знаю о предателе Гордиевском и его делах, я смогу это сделать. А опыт и сноровка майора Смирнова мне в этом деле помогут.

Эти мысли меня взволновали и приободрили.

Не то чтобы произошедшее со мной, моё пребывание здесь, в этом месте и времени, получило своё объяснение. Чудеса, может, и не должны объясняться, подробно растолковывать свои таинства — на то они и чудеса.

Нет, теперь у меня было нечто получше.

Я обрёл идею и цель.

***

Вчера мы оба, и я, и Вася, насиделись за рулём до отвращения и до онемения задниц. Так что утром, не сговариваясь, пришли в посольство пешком. Таким же способом брели мы теперь и обратно, ступая по улице с непростым названием Кристианиагаде. До моей квартиры отсюда было минут двадцать быстрым шагом. Вася жил в той же стороне, не совсем рядом со мной, но пока что нам было по пути.

В спину поддувал прохладный ветер с залива, зимнее солнце светило, но не грело. Я потянулся к воротнику и тут вспомнил: воротник поднимать нельзя, инструкция. Нельзя ходить с поднятым воротником, также под запретом неактуальные сейчас, по зиме, шляпы и тёмные очки. Ещё запрещается подозрительно озираться через плечо. В общем, нельзя быть похожим на шпионов, как их показывают в кино и как их вслед за фильмами представляют себе широкие обывательские массы. Пожалуй, в этих служебных рекомендациях имелся смысл.

Всё это были мысли и умозаключения Николая, майора Смирнова. Я вдруг понял, что каждый раз, когда одна из этих чужих мыслей всплывает в голове, я этого подсознательно пугаюсь. И, возможно, часть из них неосознанно блокирую. Это было неправильно, я решил для себя постараться и перестать так делать.

Прошли мимо конной статуи какого-то короля, их здесь хватало — и статуй, и королей. Голуби не пожалели ни самого каменного монарха, ни его верного коня. Под мостом через упрямую в бетон реку шевелилась тёмная вода. Не представляя, о чём говорить, и опасаясь ляпнуть что-нибудь неподходящее, я молчал. Вася тоже безмолвствовал, погружённый в какие-то свои размышления.

Дальше мы ступили под деревья места с названием Фелледпарк. Замечательная территория, множество укромных уголков, отличных возможностей для того, чтобы организовать тайники. И всё пропадает впустую — слишком близок этот парк к посольству, и никаких тайников здесь устраивать нельзя. Мысль, конечно, принадлежала майору, и я принял её радостно и гостеприимно.

Парк этот был по размерам немаленький, но наш путь пересёк его только слегка, по касательной. Выйдя из-под деревьев, скоро мы оказались на площади, где окунулись в уличный шум и суету. Холодное солнце заблестело в стёклах витрин. Мимо домов с башенками на крышах катили автомобили, которые хотелось назвать не иначе как драндулетиками. Спешили по своим делам люди, и лица у них были не наши, иностранные. По рельсам прозвенел разрисованный рекламами угловатый трамвай. Презирая мороз и ветер, крутили педали велосипедисты в ушанках и пальто.

Невдалеке притормозила машина посolidнее, длинный мерседес с дипломатическими номерами. На асфальт выбрался седой высокий араб в шикарном светлом плаще. Он величественно взмахнул рукой, и мы с Васей раскланялись с ним самым душевным образом. Всё правильно: законопослушные дипломаты должны быть взаимно вежливы.

Тут кто-то нас окликнул.

Мы обернулись. Через площадь прыгающей походкой к нам спешил человек в рыжем пальто. Воротник его торчал кверху, кроме того человек кутался в шерстяной шарф, так что доктора Лapidуса я признал не сразу. Помимо медицинских обязанностей доктор служил и при резидентуре, но был там не оперативным работником, а аналитиком. Случалось, что в особенно напряжённое время и его выгоняли для работы на улице, куда-нибудь в обеспечение. Но указания вроде запрета на поднятый воротник он позволял себе игнорировать.

Доктор прибавил шагу, и тут в него чуть не врезался толстый дед на велосипеде. Дедуган остановился, опираясь на одну ногу, и прорычал сквозь зубы и курительную трубку что-то нелестное.

В ответ на это доктор примирительно вскинул руки.

— Пардон муа, месье! — проговорил он мягко и дружелюбно. — Смотри куда едешь, хрен ты моржовый, — добавил он уже по-русски.

На лице его светилась приветливейшая улыбка. Датский велосипедный пенсионер глянул подозрительно, буркнул что-то ещё для порядка и покатил дальше.

Оказалось, медицинский человек Лapidус догнал нас не просто так. И встреча наша произошла так далеко от посольства не случайно, а по соображениям конспирации. С точки зрения противника, демаскирующий признак для разведчика — это принадлежность к компании установленных разведчиков. Так что отдых компаниями нашим начальством не приветствовался.

Доктор таинственно поглядел на нас и многозначительно тронул своё пальто — там, где оно немного оттопыривалось. Не зная, нужно мне сейчас удивляться или нет, я придал лицу неопределённое выражение. Неизвестно, правда, что у меня из этого получилось.

А вот Вася всё понял.

— Спирт? — спросил он с усталым вздохом.

— Ага, — ухмыльнулся доктор.

Я давно, ещё с самого утра, не мог сообразить, кого он мне напоминает. И только сейчас понял: доктор был вылитый ведущий телепередачи «Клуб путешественников» Юрий Сенкевич. Ну просто одно лицо.

— Куда пойдём? — вздохнул Вася снова.

Сам он был человек женатый, супруга его работала здесь же, в советском торговом представительстве. То есть идти выпивать к нему было нельзя. Доктор семьи не имел, что являлось для разведчика редкостью, для работы за границей предпочитались люди женатые. У меня, то есть у майора Смирнова, кстати, жена имела. Только ждала она его на Родине. Или не ждала. Что там у них за история, я не знал: само оно мне не открылось, а забираться в такие тёмные психологические глубины я пока пробовать не рисковал.

То есть, отправиться для распития можно было как ко мне, так и к доктору.

— Давайте ко мне, — предложил гостеприимный Лapidус. — Мне потом домой не придётся телепать.

Так и порешили.

***

То, что работники резидентур, бывает, попивают, новостью для меня не стало. Я о подобном читал. Да и без того можно было догадаться — пьют все, по обе стороны невидимого фронта. Просто работа нервная, и надо как-то гасить неизбежный стресс. В книге одного нашего отставного разведчика я наткнулся на воспоминание о том, что как-то ему довелось служить под началом непьющего резидента. Это преподносилось как удивительная диковина. Так оно, видимо, и было. Считалось, что если выпивка не мешает работе, то и пусть себе. Тем

более что иногда оно могло работе и помочь — спойшь кого-то да и выведаешь секреты. Так что способность пить и не пьянеть даже и ценилась.

Интересно, как обстоит с этим делом у майора Смирнова? Если исходить из телосложения, то валиться от ста граммов он не должен. И гора бутылок у него в квартире это подтверждала. Подобных людей я знал. До совсем жёсткой кондиции они доходят нечасто. Но если это всё же случается...

И тут меня накрыло чужими воспоминаниями. Ну, как чужими. Мы с майором были почти уже свои люди.

Картинки его хмельных походов попёрли флешбэками.

Заплыв по ночному каналу среди медленно дрейфующих в лунном свете льдин. На спор. С кем был спор, в памяти не сохранилось.

Вот какие-то притихшие качки уносят двоих своих приятелей. Те кричали что-то неуважительное про советский хоккей — сами напросились, чего уж.

Вот поинтереснее: драка в режиме «один против всех» в декорациях портовой забегаловки. Грохот и звон, рушатся столы, мелькает в воздухе быстрая и разящая всех без разбору табуретка. Противники заканчиваются, но с улицы лезет новая бригада. Причина конфликта веская: чего это они, грузчики-пролетарии, а «Интернационала» петь не хотят и даже слов не знают.

А вот по флагштоку американского посольства на смену звёздно-полосатому поднимается другой флаг, более подходящий: чёрный, с черепом и костями. Попался на глаза под утро в кабаке «Упитый флибустьер» — ну как было не прихватить и не поменять?

Видимо, в продолжение эпизода с флагом: гонка по ночной улице на чьём-то старом велосипеде от трёх патрульных машин. Уйти не удалось: затаранили, вязать выскочили все три экипажа. Наутро в камере, правда, никого не обнаружили: вмурованная в стену оконная решётка оказалась хлипенькая, не рассчитанная на буйство и напор русской души, неистовой и неудержимой...

Там, в памяти, было и ещё, но мне хватило и этого.

Да уж. Широко жили люди, ничего не скажешь.

А вот доктор Лапидус тем временем всё что-то говорил и говорил. Я прислушался. Оказалось, наш Айболит пересказывал Васе (и мне тоже, хоть я ушёл в себя и не слушал) содержание нового голливудского фильма. Скоро выяснилось, то был «Человек-паук».

— Хм, — сказал Вася, помолчав, когда рассказ закончился. — И что, смотрят там такое?

— Смотрят, — развёл руками доктор. — Очереди возле кинотеатров.

— Что, и взрослым это нравится?

— Так это для взрослых и снималось.

— Та ладно!

— Да я тебе говорю.

Теперь Вася замолчал надолго.

— Знаете, — наконец проговорил он, задумчиво выпуская сигаретные дымные кольца, — я вам вот что скажу. Так-то они здесь живут не сказать что плохо. До окончательного кризиса капитализма ещё далеко. Продукты, шмотки — с этим у них, не при Пеняеве будет сказано, обстоит намного лучше нашего. Да что я вам говорю, вы и сами всё видите, не дураки. Но иногда вот так посмотришь... Наверное, всё-таки правду там у нас пишут. Загнивают они тут совсем. Прямо во всём этом изобилии и загнивают.

Это был заход на большую тему. До вечера бы точно хватило, да ещё и под докторский фирменный коктейль спирт плюс вода. И Лапидусу определённо было что сказать. Он уже раскрыл рот, и указательный его палец поднялся, предвеля готовое зазвучать слова.

Но что думает доктор по поводу перспектив капитализма, мы с Васей в тот раз так и не услышали. Вместо этого услышали женский крик.

Мы все, конечно, тут же устремились в ту сторону, откуда крик этот раздался. И скоро увидели собравшуюся возле одного из домов небольшую, в несколько человек, группу людей. Женщина в песочного цвета пальто что-то объясняла другим и показывала вверх, на крышу. Все задирали головы, силясь увидеть, что же она там узрела такое, из-за чего стоило кричать на всю улицу.

Остановившись чуть в стороне, оглядели зловещую крышу и мы.

Дома здесь, по краям площади, все были четырёхэтажные. А с учётом того, что среди разноцветных черепичных откосов виднелись большие окна, а ещё тут и там поверх крыш торчали готического вида башенки, тоже с окнами, дома можно было смело считать пятиэтажными.

И вот, наконец, стало понятно, отчего столько шума. Из-за одной из башенок выглянул человек. Выглянул, потом неуверенно пошатал по черепице к краю крыши. И посмотрел через край вниз.

— Вот он, видите? — возбуждённо затараторила женщина, когда человек только показался. А когда он стал заглядывать вниз, она вдруг снова завопила, как будто её режут.

Сам человек казался довольно примечательным. Одет он был в длинный светлый плащ, что смотрелся отсюда, снизу, ничуть не хуже, чем у недавно встреченного нами блистательного дипломатического араба. Сам же человек был чёрен как уголь. Не в том смысле, что он вымазал себе лицо и руки сажей, умудрившись при этом не запачкать дорогой свой плащ. Нет, человек не чистил там, на крыше, никаких труб. Он просто был негр, причём самого тёмного и глубокого из существующих оттенков.

Ну вот, подумалось мне, снова суицидная тема. Даже беззаботные чернокожие люди в этом скандинавском жестоком климате не выдерживают и норовят сигануть с крыши. Видимо, что-то такое разлито здесь в воздухе. Может, всё дело в том, что веет сюда с ледяных морей северным народным концом света под названием Рагнарёк?

— Эй! — уже кричал рядом со мной благородный человек Василий. — Отойди оттуда! Не надо!

Кричал он по-английски. А добрый доктор тут же, на всякий случай, громко перевёл это на французский.

Но стоящий у чердачной башенки чёрный человек в светлом плаще их не слушал и даже в эту сторону уже не смотрел. Смотрел он почему-то в направлении другой, соседней башенки. Что-то его там заинтересовало. Причём заинтересовало настолько, что он даже отложил своё намерение свести счёты с жизнью посредством полёта с высоты в пять этажей на брусчатый датский тротуар.

Вскоре оказалось, что ситуация на крыше была понята нами, равно как и остальными зрителями во главе с голосистой женщиной, совсем неправильно. Человек на крыше вовсе не собирался оттуда прыгать. Ему хотелось этого ничуть не больше, чем любому из собравшихся внизу. Там, на крыше, кроме него обитался сейчас кто-то ещё. И даже, как оказалось, не один.

Из-за соседней башенки выступили две фигуры. Они тоже были не местные, о чём свидетельствовали и их неевропейские лица, и цвет кожи — не угольный, как у их коллеги по высотным прогулкам, но точно и не белый, а скорее промежуточный. Как, например, у индийцев. Эти невысокие ребята в своих пиджаках и при галстуках смотрелись там, на крыше, своеобразно.

Увидев их, лже-самоубийца явно не обрадовался. Он вздрогнул и стал медленно отступать от края крыши. Одновременно он что-то говорил появившимся смуглым людям, негромко, но темпераментно, чёрные руки задвигались в активной жестикуляции. Добравшись до своей башенки, человек уцепился в металлический изгиб кровли и замер. Утратив возможность размахивать руками, он как будто заодно лишился и дара речи.

Когда стало понятно, что прыгать с крыши никто не собирается, люди внизу зашевелились. Крикливая женщина поправила сумочку на плече, и её каблучки разочарованно зацо-

кали прочь. Другие тоже стали расходиться, разумно рассудив, что эти разборки экзотических людей между собою их не касаются.

Мои же товарищи уходить, было похоже, не собирались. Видимо, из профессионального интереса. Наверное, это было правильно: просто так никто по крышам не бегает, даже непонятные индусы и чёрные люди в светлых плащах.

Но нет, дело оказалось в другом.

— Слушай, — задёргал меня за рукав Вася. — Это же вроде этот, как его?.. Ну, ты его знаешь...

Я взглянул на крышу повнимательней. Нет, база знаний майора Смирнова идентифицировать чёрного человека не хотела. И нарядных этих индусов я тоже не знал.

Тут блуждающий взгляд африканца, или кто он там был, устремился вниз, к нам. Путешественник по крышам всмотрелся, и трагичное лицо его озарилось внезапной надеждой. Интересно, кого это он здесь увидел? — подумалось мне.

Оказалось, увидел он здесь меня.

— Ник! — заорал чёрный человек во всю силу своих перепуганных лёгких — Помоги мне, Ник! Они хотят меня убить!

Он отцепил одну руку от крыши, совершил нею в воздухе какой-то отчаянный жест, и пальцы его впились в нагрудный карман плаща.

Тут-то я и вспомнил, наконец, кто этот чёрный парняга такой.

Это был, мать его так, Леонардо.

Глава 6

Чернокожий дуралей на крыше был Леонардо, и его нужно было срочно выручать.

— Ждите здесь! — крикнул я Василию уже на бегу.

Тут же, сразу, мне пришлось и затормозить.

— Нет, серьёзно, — остановил я топочущих вслед за мной Васю и доктора. — Там вы мне только мешаете. Будьте здесь. Если что, ловите его внизу.

Возможно ли поймать и спасти летящего с высоты пяти этажей взрослого мужика? Кто его знает. Пусть, во всяком случае, хотя бы попытаются — не зря же они проходили подготовку во всяких спецучреждениях КГБ. Но я надеялся, что никого ловить им всё же не придётся.

Забегаю за угол и устремляясь к арке, я успел услышать Васин грозный окрик:

— Эй, вы! Это наш негр! А ну-ка оставьте нашего негра в покое!

Пришлось прибавить ходу — кажется, на крыше начинало что-то происходить.

Я уже прекрасно сознавал, кто такой этот скачущий зачем-то по крышам чёрный человек Леонардо, информация поступила по назначению и успешно встроилась в мою долгосрочную память. Никакой он был не африканец. Он был латиноамериканец, бразильский дипломат. Человек бестолковый, но в некоторых вопросах очень полезный, практически незаменимый.

Прогрохотав подошвами по лестничному серпантину четыре с половиной этажа, я быстро добрался до двери на чердак. Туда подходил быстрым шагом, восстанавливая на ходу дыхание.

С первой попытки дверь не открылась. Я дёрнул посильнее, и в чём была загвоздка, тут же выяснилось: дверь кто-то держал. Этот кто-то, миниатюрный парень в костюме, от моего рывка влетел внутрь и повалился на бетон прямо мне под ноги. Увидев меня, он вскрикнул, вскочил и метнулся обратно в дверной проём с проворством лесного зверька. Там он скрылся из вида.

Ступал на поверхность крыши я с осторожностью. Там меня, понятное дело, уже ожидали.

Эти, в костюмах и галстуках, уже схватили Леонардо. Один держал его сзади за воротник плаща (выглядело так, как будто беднягу держат за шкуру), другой уцепился в руку. Третий, полноватый, постарше других и с лицом как у рассердившегося Будды, что-то моему чернокожему знакомцу втолковывал. Тот ему что-то плаксиво отвечал. Был ещё и четвёртый, он дёргал третьего за рукав и, панически вращая глазами, тыкал пальцем в мою сторону. Это, очевидно, был тот парень, что повстречался мне у двери.

Я подошёл туда. Все воззрились на меня: тыкающий пальцем со страхом, двое других с тревогой, Леонардо с радостью и надеждой, а толстяк... Этот смотрел на меня строго и неуступчиво.

Когда оказалось, что его я тоже знаю, это не стало для меня большим сюрпризом. Я уже начал привыкать к такой жизни.

— Ты зря сюда приходишь, большой русский! — внезапно прокричал толстяк. Крик его прозвучал в таком тоне и точно таким голосом, как делали это в фильмах про Шаолинь боевые китайцы.

Этого человека звали Дато Буанг Разали Джалал. Он не был китайцем, равно как и индусом. Он был из Малайзии. Здесь, на крыше дома, проводила какую-то свою операцию спецслужба этой страны. Малазийская разведка в Копенгагене... Господи, чего только не бывает в этом удивительном мире.

Дато Буанг Разали Джалал смотрел на меня, и мне нужно было что-то ему отвечать. А у меня в голове, как назло, кроме его красивого имени больше ничего по теме не подгружалось. Я уставился на него с видом, в котором, по идее, должно было читаться что-то навроде: «Если уж я пришёл, то от этого факта вам не отвертеться». А сам стал лихорадочно размышлять.

Страна Малайзия это, кажется, королевство. Значит, сотрудничать с их реакционной спецслужбой представитель государства рабочих и крестьян не может и не должен. С другой стороны, в истории тайных служб имели место самые диковинные альянсы. И делить со страной Малайзией стране СССР вроде бы нечего.

Да, странам ссориться было не из-за чего, а вот граждане этих стран причину для разногласий, как водится, отыскиали. И бестолковая эта губастая причина смотрела сейчас на меня, как смотрели, наверное, несчастные мокрые зайцы на спасительную лодку доброго деда Мазая.

Не знаю, как истолковал моё продолжительное молчание воинственный предводитель пиджачных и наверняка жестоко мёрзнувших малазийцев. Но как-то, видимо, истолковал. Потому что решил снова заговорить — чем изрядно облегчил для меня ситуацию.

— Этот недостойный черномазый обезьяна подставить очень серьёзный люди, — прокричал Дато Буанг, тыча пальцем в своего бразильского пленника, как будто намереваясь проткнуть его насквозь. — Он идти с нами. Серьёзный люди хотеть говорить с ним, кое-что выяснять с ним.

Всё это говорилось на английском. Правда, понять английский моего собеседника надо было ещё постараться. Пока это с трудом, но удавалось. Благо, знания языков от майора Смирнова открылись для меня изначально и в полной мере.

Малазийский командир наговорил в адрес притихшего Леонардо ещё всякого, но не конкретного, а в основном оскорбительного и связанного с цветом кожи. Слушать такое от восточного и тоже довольно смуглолицего человека было немного странно. Потому что, как по мне... Ну да ладно, думать нужно было о другом.

Не то чтобы я пожалел, что ввязался в эти высотные события. Но теперь выбор для меня отсутствовал. Я должен был спуститься отсюда с этим чёртовым Леонардо под мышкой. Оставить его здесь на растерзание значило оглушительно уронить авторитет советской дипломатии. А скорее всего — и разведки.

Допустить этого было никак нельзя.

— Сожалею, Дато Буанг, — сказал я, выступая вперёд. — Но этот человек пойдёт со мной.

Пару секунд оппонент принимал мои слова к сведению. Потом чуть заметно дёрнул щекой. И тут началось.

Он и его люди пришли в движение. Сам толстый малазийский начальник скрестил руки на груди и отступил чуть назад. Двое, что держали Леонардо, вцепились в того ещё крепче. А мелкий парняга, что изначально дежурил у двери и носился от меня зайцем, теперь вдруг выскочил в самый центр событий. На лице его уже не было страха. Там запечатлелась самоубийственная решимость.

Парень мяукнул что-то похожее на боевой клич. Я наблюдал. С одной стороны, он был так некрупен, что нападать на него казалось как-то совсем нелепо. Нет, он-то, может, и неплохой боец. Но есть мнение, что вся история восточных единоборств основана на том, что драчливые и шуплые азиаты просто не представляли наличия на свете людей с габаритами, например, того же майора Смирнова. С другой же стороны... Кто его знает, чего от этих азиатов можно ожидать. К тому же дело происходило на наклонной поверхности крыши.

Мой некрупный противник попрыгал с ноги на ногу... А потом рука его шустро нырнула под пиджак.

Вот это номер, подумалось мне. Вот вам и восточные единоборства. Сейчас паренёк выхватит из-за пазухи какой-нибудь «Кольт», «Дезерт игл» или, ещё лучше, израильскую машинку «Узи», шамальнёт мне в грудь — и моя история в прошлом тут же закончится, толком и не начавшись.

Ответить было нечем, у меня за пазухой пистолета не водилось.

Мысль проносилась в голове, а тело уже проделало половину нужного расстояния. А потом я остановился и удивлённо выдохнул. Потому что в руке у паренька показались... Нунчаки!

Что, серьёзно?

Отполированные деревянные звенья замелькали в быстрых руках, в воздухе раздался характерный шелест. А в глубине моего сознания обозначилась обида. Не моя — майорская. И действительно: это же просто какое-то неуважение...

Двинувшись вперёд, я подставил под удар предплечье. Потом ухватил малазийца за руку. Выдернул оттуда игрушку:

— Дай сюда!

Отшвырнул в сторону — штука всё-таки опасная, может запросто заехать кому-нибудь по макушке, нередко и самому её вертящему. Две деревяшки на цепочке поскакали по черепице книзу, и останавливаться они не собирались.

И вот это получилось не очень хорошо.

Кто его знает, как оно там обстоит у этих малазийцев. Может, нунчаки числятся у них по разряду табельного оружия, утрата которого сродни тяжкой служебной провинности. Или же палочки эти были у паренька семейной реликвией, что передавалась от отца к сыну с незапамятных времён. Как бы там ни было, а малазийский боец прыгнул за своей вещью безрассудным коршуном. И даже успел ухватить. Только вот дальше к краю крыши покатился уже он сам — и остановиться у него не получалось.

Когда потом я вспоминал этот момент, всё думал: интересно, поймали бы того парня Вася с доктором? В общем-то, могли и поймать, очень уж он был мелкогабаритный. А они, доктор и Вася, всё это время, конечно, пребывали на своём посту и глазели вверх свирепо и внимательно.

А может, он справился бы и сам. Приземлился бы, как кот все на четыре лапы, ловко перекувыркнулся, поднялся и побежал как ни в чём не бывало обратно наверх невозмутимым Хон Гиль Доном. Правда, по лицу его, когда я держал за ногу, а он висел над тротуаром как неизвестный тропический плод, было не сказать, чтобы он рассчитывал на такой благополучный кошачий исход.

Да, я его поймал. Ринулся следом и успел ухватить за мелькнувшую в воздухе лодыжку. Остановил над пропастью в самый последний миг. Повезло.

Дальше всё пошло в правильном направлении. Притихшие малазийцы приняли своего спасённого товарища, что так и не отпустил драгоценный предмет нунчаки. Старший их молчал и недовольно щипал бровь. Потом он пошевелил щекой, и воспрянувшего Леонардо отпустили.

— Спасибо, что спасать мой человек, большой русский, — хмуро произнёс Дато Буанг.

Он даже чуть заметно поклонился, и его подчинённые поспешили сделать то же самое.

— Но вот за эта гнилая слива, — продолжил толстяк, ткнув пальцем в сторону Леонардо, — ты подставлять свой голова совсем напрасно.

Он шагнул к бразильцу, заглянул тому в глаза. Я ожидал, что крепкий восточноазиатский кулак впечатается напоследок в спрятанный за светлым плащом хилый живот. Но малазийский шпионский командир сдержался. И это было правильно. Раз уж речь зашла о голове, то как тут не вспомнить мудрые слова о том, что у чекиста эта самая голова должна быть холодной. Даже у малазийского.

Скоро низкорослые ребята из Юго-Восточной Азии растворились в студёном датском воздухе. А мы с Леонардо спустились и вышли к моим заждавшимся коллегам. Тогда я схватил бразильского прохиндея за воротник и, не жалея шикарного плаща, слегка его встряхнул.

— Во что ты там вляпался, кофейная твоя душа?

Леонардо ответил мне невиннейшим взглядом. Вежливо, но решительно убрал от себя мои руки. Бережно отряхнул плащ.

— А, — его рука взмахнула легкомысленно и непринуждённо. Он заулыбался во все свои тридцать два больших белых зуба. А потом неожиданно закатил глаза и грохнулся в обморок.

***

В подъезде докторского дома пахло так же, как во многих знакомых мне отечественных подъездах — немного кошками и немного мусоропроводом. Это напоминало о том, что все люди братья. А ещё о братском единении всех людей не давал забыть топающий с нами рядом по ступенькам чернокожий человек Леонардо. Мы решили взять его с собой. Не бросать же его было на улице, с трудом приведённого в чувство и что-то бессвязно бормочущего широкими растерянными губами.

Ключ заскрежетал в замке, мы вошли и стали всю пользоваться докторским гостеприимством.

Чтобы не бегать по коридору с тарелками, усадились мы на кухне, места худо-бедно хватило.

— Приятно познакомиться, — произнёс доктор на правах хозяина в порядке тоста.

Рюмки со звяканьем соприкоснулись и были немедленно опустошены.

Закусывали двумя видами рыбных консервов, что в окружённой морями Дании выглядело логично. Перерыв между первой и второй оказался, согласно народной присказке, не особенно долгим. Тут уже слово взял наш бразильский гость. Если первую рюмку он влил в себя с очевидной натугой и опасениями, то вторую вертел в руке он уже уверенно и охотно. При этом Леонардо сообщил, что выпить он считает нужным за своих советских товарищей.

Мы возражать не стали и с удовольствием его поддержали.

Дальше застолье пошло развиваться. Наш экзотический собутыльник прихлёбывал разведённый дистиллированной водой спирт из высокого стакана, разбавив его апельсиновым соком, что кстати отыскался в докторском холодильнике. При этом он темпераментно рассказывал о своём бедняцком происхождении, о голодном детстве, что провёл в нищей лачуге, о невозможной жизни бразильских трущоб. Он стремительно опьянел. То начинал запевать смутно знакомые мне по латинским сериалам песни, то пускал слезу, то вскакивал и норовил пуститься в танец.

В стенах докторской квартиры на минутку вспыхнуло жаркое южноамериканское солнце и повеяло карнавалами Рио. Долго это, слава богу, не продлилось. Скоро не выдержавшего своего собственного напора Леонардо мы с Васей перенесли на докторский раскладной диван. Это было и к лучшему: наши последующие рабочие разговоры вряд ли показались бы развёсёлому бразильцу интересными.

Наступившие на кухне тишина и спокойствие какое-то время казались непривычными. Мы раздавили по рюмке уже без всяких тостов, в узкой и обычной компании это было не нужно.

— Я что тебе хочу сказать, Николай, — проговорил доктор Лапидус.

Он выловил из консервной банки кусок рыбы скумбрии, задумчиво посмотрел на него и зачем-то отпустил обратно.

— Тому, что Олежек тебя сегодня прикрыл, ты сильно не радуйся. Знаешь, почему?

Взгляд доктора был слегка ословевший, но пьяным он не выглядел. Да и с чего там было пьянеть, мы ещё и литр его сорокаградусной разведёнки не прикончили.

— Догадываюсь, — осторожно ответил я. — Но ты тоже скажи.

— Что там ты догадываешься, — Лапидус внезапно рассердился. — Догадывается он, блин. Ты, Коля, хороший мужик, но при этом такой... простой, как топор. Что при профессии твоей даже удивительно. Да, да, не спорь!

Спорить я и не собирался, но он всё равно слегка хлопнул ладонью по столу.

— Олечка ничего не делает просто так. Сейчас он тебе помог, а завтра что-нибудь попросит. Причём без письменного приказа. Или вообще не по служебному вопросу. А тебе теперь и отказать ему невозможно, спасителю своему.

Вася, до этого увлечённо трескавший консерву из второй банки, отложил её и поднял голову.

— Сгущаешь краски, — не согласился он с докторскими опасениями. — Ему, шефу нашему, нужна поддержка среди команды. Чтобы его тот же Пенаев не подсидел. Тот хоть баран бараном, а в заместители пролезть умудрился. Значит, «лапа» у него в Управлении имеется.

На это доктор саркастично покачал головой.

— Ты, Вася, такой наивный, что я с тебя просто не могу. Пеняева, чтоб ты знал, сам Гордиевский себе в замы и продвинул. А «лапа» в Управлении это у Кисляка, но он ещё молодой и для Олега пока не опасный. С Кисляком вы, кстати, тоже не очень-то...

— Зачем же Олегу такой зам? — перебил Вася. — От Пенька как от разведчика толку совсем нету.

— Такой зам затем и нужен, чтобы не подсидел, — объяснил доктор терпеливо. — В Центре не дураки работают. Понимают, чем назначение Пеняева резидентом обернётся в плане работы. И Олег понимает, что они это понимают. А результат для него вы с Николаем будете делать. И другие, кто потолковее. Те, кто сюда работать приехал, а не шмоток импортных домой привезти...

Наш старший, умудрённый жизнью товарищ замолчал. Сходил к холодильнику, принёс оттуда лимон на чистом белом блюде. Стал этот лимон неспешно нарезать.

Кстати говоря, в квартире доктора Лapidуса обнаружился идеальный, не всегда свойственный холостяцким жилищам порядок. В прихожей и в комнате витал запах свежестиранного белья, на кухне приятно пахло сухими пряностями. Посуда там не жалась друг к другу, немытая, в раковине, а культурно стояла в специально отведённых для неё местах.

Однако и маньяком чистоты доктор тоже не оказался. Например, пыль в квартире он, судя по всему, вытирал не часто, только когда совсем уже припрёт. А сходяв вымыть руки в ванную, я заметил там под раковиной длинный и светлый волос. Выводов из этого делать не стал. Мало ли — может, сквозняком задуло.

Я разлил по рюмкам, выпили.

Вася с какими-то рассуждениями Лapidуса согласился, но продолжал спорить в отношении деталей. Доктор отвечал неохотно и думал, мне казалось, о другом.

— У тебя такая манера, — вспыхнул в конце концов Василий, — как будто ты знаешь что-то такое, другим неизвестное и недоступное.

На это доктор ничего Васе не сказал.

Зато ещё через пару рюмок он кое-что сказал мне. Говорил он негромко, выбрав для этого время, когда Вася отправился в сортир.

— Опасаюсь я за тебя, Коля — сказал мне доктор Лapidус. — Будь осторожен. В случае чего приходи ко мне посоветоваться. Одна голова хорошо, а две... Сам знаешь.

Я пообещал быть настороже и постараться никуда не влезать.

Дело было не в докторской манере общения, тут Вася ошибался. Доктор Лapidус действительно что-то знал. И делиться этим знанием с нами, своими вроде бы друзьями, не хотел.

Глава 7

Вернувшись под вечер в свою одинокую квартиру, я умылся холодной водой, разгоняя хмель, уместился поудобнее на диван и принялся размышлять.

Итак, моя задача — разоблачить предателя Гордиевского. Который на данный момент выполняет обязанности резидента советской разведки в Дании. Пребывает на хорошем счету у начальства. И не в чём его порочащем совершенно не подозревается.

Как я могу эту задачу выполнить?

Вот тут надо подумать. Понятно, что при помощи голословного доклада в Центр сделать это не удастся. В Москве докладу просто не поверят. А отправившего подобное донесение майора Смирнова сочтут бестолковым интриганом. В самом лучшем случае — потребуют доказательств. Которых у меня нет.

Так что Гордиевского мне нужно брать самому, на месте преступления и с поличным.

Я представил себе, как подкарауливаю его ночью, возле сейфа. Выскакиваю из укромного угла, и он застывает с охапкой секретных документов, листы рассыпаются на пол из его перепуганных рук... Но вытаскивать документы из сейфа это ещё не преступление. Преступление — передавать их представителю вражеской спецслужбы. Вот за этим мне и нужно его застукать.

Я сосредоточился и попытался вспомнить всё, что читал об истории предательства Олега Гордиевского, а конкретно: о датском периоде тех событий.

К измене своей он шёл долго и расчётливо. Зная о том, что квартиры советских дипломатов скорее всего прослушиваются, стал в разговорах с женой поругивать царящие в СССР порядки. Тем самым он провоцировал у невидимых слушателей идею о своей пригодности к разработке. Какое-то время датская служба безопасности и разведки ПЕТ к нему присматривалась. И когда датчане подкатили, наконец, к нему с вербовочными намерениями, он особо не ломался.

Работал с ПЕТ Гордиевский недолго, скоро датские офицеры передали этот перспективный объект своему «старшему брату», британской разведке. И вот тут предатель постепенно развернулся на полную катушку. Сдавал наших нелегалов и завербованных коллегами агентов. Сдавал самих коллег. Таскал для копирования приходящие из Центра микроплёнки с зашифрованными приказами, пачками передавал бумажные документы.

Но каких-то конкретных деталей я почти не помнил. Я просто собрал материал, написал статью — и тут же выбросил, как водится, из головы.

Кто ж знал, что всё это понадобится при таких вот обстоятельствах...

Хорошо помнил я лишь один эпизод. Гордиевский выдал советского агента в Норвегии — женщину, военную медсестру. Услышал о ней от какого-то проезжего болтуна, здесь, в датской резидентуре. И сообщил англичанам, без опасений, что подозрение может пасть на него. Женщину арестовали. Майор Смирнов знал об этом деле, оно прогремело по всей Скандинавии не так давно. Медсестру звали Гунвор Хаавик. Это был болезненный провал. И его, к сожалению, было уже не предотвратить.

Ещё я вспомнил, что со своими кураторами изменник встречался на специально снятой для этого англичанами явочной квартире. Он ещё выдвинул условие, чтобы их разговоры не записывались, а они его всё равно писали. Выявление адреса этой квартиры могло стать ключевым фактором моей задачи.

— О! — сказал я сам себе.

Этот неожиданный, гулко прозвучавший в пустой квартире звук натолкнул меня на другую мысль. Прослушка в жилищах работников советского посольства наверняка продолжает работать и сейчас. А мы сегодня у Лапидуса столько всего наговорили!

Хотя...

Поразмыслив, я пришёл к выводу, что вряд ли мы там выболтали что-то для вражеских разведок интересное. Ну, пообсуждали немного взаимоотношения в своём рабочем коллективе. Кому нужны эти нюансы? Тем более что британцы, наверное, предоставленные им датчанами записи особенно и не расшифровывают. Потому что — а зачем? Имея такого высокопоставленного «крота», они и так в курсе всех наших дел.

Сейчас, прокручивая в голове недавнюю беседу с коллегами, я задумался о том, что сказал мне доктор. И чем больше я об этом думал, чем более странными начинали мне казаться докторские слова. Своим предложением передавать ему содержание того, о чём я буду разговаривать со своим руководителем, он, по сути, подбивал меня на преступление.

Зачем это ему?

Тут мне виделись три варианта. Может быть, доктор что-то знает о предательстве Гордиевского. Ну, или догадывается. И пытается по дружбе спасти меня от беды. А может он, опять же зная или догадываясь, ведёт своё секретное расследование. Не исключено даже, что с санкции Центра. Только вот увенчаться успехом это возможное расследование, как подсказывают будущие события, шансов совсем не имеет.

Ну и ещё один вариант, на первый взгляд нелепый, но не сказать чтобы совершенно невозможный. Что, если доктор тоже чей-то агент? Например, израильского Моссада. И необычную свою фамилию Лapidус он носит не просто так. Нет, для работника медицинской сферы такая фамилия, в общем, нормальна. И всё равно... Но шутики шутками, а червь сомнения уже пробрался в сердцевину моих размышлений, и выгнать его оттуда представлялось чем дальше, тем сложнее.

Не сильно они тут высокого мнения о майоре Смирнове, как я погляжу. Манипуляторы хреновы. Обидно за майора, зря они так. Хотя, может, и не зря. В том смысле, что — а пускай себе. Пусть держат меня за человека посредственных умственных способностей. Усердного, но недалёкого. Так мне будет легче с ними всеми разобраться.

А за майора было всё-таки обидно. Майор, вот, запросто помнил имя Дато Буанг Разали Джалал. А такое под силу далеко не каждому.

***

Утром я приехал на работу на служебном фольсквагене. Посол и другое начальство имели специальные парковочные места, майор Смирнов такой привилегией не обладал, так что парковаться пришлось поодаль, рядом с посольскими воротами всё уже было заставлено.

Какое-то время потёрся в кабинете, что мы делили с пресс-атташе посольства. Самого его на месте не оказалось, что меня, конечно, устраивало. Порылся в своём столе. Сначала испытывал лёгкую панику от того, что не могу разобраться, чем я по этой своей неосновной специальности занимаюсь. Потом догадался расслабиться и отпустить мысли и чувства. Тогда память майора Смирнова пришла на помощь: руки сами собой потянулись к нужным ящикам, а мелкая моторика пальцев сделала своё дело. На стол извлеклись актуальные бумаги, и я немного их поизучал.

Пресс-атташе, смирновский номинальный начальник, конечно, знал об основном роде деятельности своего якобы подчинённого. Поэтому его побаивался и работой загружать и не думал. Но майор не наглел и какую-то помощь оказывал: готовил отзывы на международные события, помогал составить комментарии для прессы, писал статьи для посольского бюллетеня.

Долго торчать в отделе пресс-службы я не стал, отправился в здание, где обосновалась резидентура.

Сегодня собраний не было, разведчики занимались каждый своим делом. Дела эти были по преимуществу бумажные. Рассевшись за столами по трём кабинетам, люди в пиджаках что-

то быстро писали, другие просто сидели, сосредоточив лица. Через приоткрытую дверь я увидел из коридора Пеняева, тот обложился газетами и заполнял рукописными строчками лист, высунув от усердия язык.

Кабинет Гордиевского был закрыт, но я знал, что предательский резидент на месте, видел на парковке его ситроен.

В помещении, где стоял мой стол, обнаружились двое: Вася и высокий молчаливый капитан по фамилии Журавлёв. Два других стола пустовали, и это было обычное дело: ребята могли заниматься оперативной работой в городе или отсыпаться после вчерашних ночных заданий. При моём приближении Журавлёв перевернул изучаемую бумагу текстом вниз и протянул мне руку.

— Здорово, — поприветствовал меня и Василий.

На столе у него, занимая всю поверхность, распростёрлась карта города Копенгагена. Вася прокладывал по бумажным улицам маршрут из нитки, потом принялся мерить распрямлённую нитку линейкой и вычислять расстояние с учётом масштаба. Да, тяжело им тут живётся без цифровых технологий. А с другой стороны и легче: уличные камеры только начали появляться, они ещё не умеют распознавать лица и сами поднимать тревогу. Из космоса уже следят, но вся эта техника шагнула пока не очень далеко.

Повесив пальто на вешалку, и усевшись за свой стол, я зашарил по ящикам. И обнаружил там всякую ерунду: картонные папки без содержимого, стопку чистой бумаги, россыпь скрепок и прочие канцтовары. Потом память майора подсказала: сейф.

И точно, у стены высился серый металлический монстр, мой, персональный. Замок был дисковый. В памяти сразу всплыли кодовые цифры (вот было бы весело, если бы этого не случилось). Покрутив диск и набрав нужную комбинацию, я потянул на себя тяжёлую дверцу. Ряд толстых серых папок взглянул на меня из пахнувшего пылью и железом сумрака.

Скоро папки образовали две средней высоты стопки у меня на столе. Вася посмотрел с удивлением, но ничего не сказал.

Едва ли в этих материалах имелось что-то, что было способно помочь мне в деле разоблачения предателя. Сейчас, сидя за своим рабочим столом, я просто кое-чего ожидал. И заодно, чтобы не терять напрасно времени, решил войти в курс шпионских дел майора Смирнова.

Для того, чтобы уяснить суть материала, оказалось не нужно вчитываться в содержимое документов долго и внимательно. В одних папках я просмотрел первые страницы, другие достаточно было просто взять в руки. Информация выныривала мне в голову из каких-то тёмных глубин — и становилась моими собственными знаниями и моей памятью.

Оказалось, майор не зря ел свой шпионский хлеб. За душой у него имелись неплохие вербовки: два некрупных политика левого толка, корыстный человек из паспортного отдела мэрии, мелкий полицейский чин с надеждой на карьерный рост, многообещающий пакистанский дипломат и, пожалуй, главная удача: техник с базы ВВС в Ольборге. Также имелась перспективная разработка в лице доверенной секретарши одного депутата, главы парламентского комитета. Сеть к ней была заброшена, неоднократные подарки благосклонно приняты, и интересные сведения уже отразились в паре майорских отчётов. В этих отношениях всё было целомудренно и по взаимному согласию: интим если и подразумевался, то когда-нибудь потом, в неопределённом будущем.

Я держал в руках трудовые майорские папки, и чувствовал, как у меня горько сжимается сердце. Все эти труды были напрасны. Контакты были под колпаком. Доверившихся советской разведке людей высокопоставленный предатель сдал противнику, всех их ждали арест и тюремные сроки...

Думая и переживая об этом, я так увлёкся, что едва не пропустил то, чего ждал. В конце коридора хлопнула дверь, по паркету протопали ожидаемые мною шаги. Гордиевский покинул кабинет и намылился куда-то уезжать.

Тогда я сложил свои бумаги, замкнул их в сейф, схватил пальто и поспешил на улицу.

***

Копенгагенская оживлённая улица проносилась за автомобильным стеклом. Белый ситроен мелькал впереди, блестел бампером, прыгал между рядами. Подполковник Гордиевский куда-то очень торопился. И я надеялся, что торопится он не куда-нибудь, а на встречу со своими английскими хозяевами.

Ехать хвостом за опытным разведчиком, каким мой оппонент, безусловно, являлся, на своей машине было неосмотрительно. Поэтому неподалёку от посольских стен меня с самого утра ждало такси. Причём такси не простое: за рулём сидел викингopodobный мужик с перебитым носом, его звали Йенс. Майорское воспоминание об этом парняге ворвалось ко мне в голову по дороге на работу. Тогда меня, устремившись к машущей на тротуаре дамочке, бесстыже подрезала такая же чёрная машина с шашечками, в какой сидел я сейчас. Сидел на заднем сиденье, скрытый от посторонних взглядов тонированными стёклами.

Знакомство майора Смирнова с Йенсом случилось с полгода назад и было обставлено драматически. Там в свете уличного фонаря трое теснили к стене одного, и ножи в руках блестили тускло и неумолимо. А прохожий ночной человек на предложение «валить нахрен» расстроенно хмыкнул — и принялся отрывать от скамейки длинный и толстый брус. Тут же выяснилось, что оторванный от скамейки брус это в умелых руках оружие поразительнее ножа. Скоро трое прилегли на асфальт, а четвёртый перевёл дух — и повёз отшвырнувшего брус прохожего в машине с шашечками. Потому что драки драками, а майор куда-то очень спешил по работе.

Сотрудничество это было взаимовыгодно. Новоявленный знакомец майора Смирнова кроме изначального подарка в виде спасения жизни дальше время от времени получал интересные и щедро оплачиваемые рейсы. Сам же майор заимел надёжного человека и, как оказалось, очень умелого водителя. Надёжность, правда, далёкий от наивности майор несколько раз проверил, попросив Йенса отвезти его к специально для этих целей оборудованным тайникам. Позже добирался туда своим ходом, смотрел: сигнальные контейнеры вскрывать никто не пробовал.

Эти деловые отношения ни в каких внутренних отчётах не отражались, что оказалось теперь очень кстати.

Сейчас Гордиевский мчался на служебной машине с дипломатическими номерами, а Йенс уверенно сидел у него на хвосте. Впрочем, выявить слежку или избавиться от неё изменник Родины, кажется, и не пытался. Он просто куда-то спешил.

Мы уезжали прочь от дипломатических и исторических кварталов города. Подполковник направлялся в жилые районы северо-западной части Копенгагена. Для меня это был хороший признак. Прикатив, например, к своей квартире, что располагалась в четырёхэтажном доме напротив такого же моего, он бы меня сильно разочаровал.

Но нет, мы уже неслись среди типовых белых высоток. Движение здесь было не такое интенсивное, как в центре, дистанцию приходилось держать приличную. Тут я в очередной раз порадовался, что предусмотрительный майор Смирнов обзавёлся таким человеком как Йенс. Отправься я сюда на своём дипломатическом фольксвагене, затею со слежкой пришлось бы, пожалуй, сворачивать. Обычный таксист предложению поиграть в шпионов вряд ли обрадовался бы и с немалой вероятностью доложил бы потом обо всём в полицию. О том, что под видом таксиста мне могли бы подсунуть кадрового сотрудника датской контрразведки, забывать тоже не стоило.

Наконец ситроен вильнул к обочине и остановился. За тротуаром и полосой газона блестили окна многоэтажного жилого дома. Через газон виднелась дорожка в тёмную арку.

— Не останавливай, — скомандовал я.

Но Йенс знал своё дело и без меня.

Мы чуть сбавили скорость и продолжили движение. Когда проезжали мимо машины Гордиевского, тот уже выбрался на тротуар. Он искоса взглянул в нашу сторону, и я подавил в себе желание пригнуться к сиденью. Но нет, всё было в порядке. Тонировку стёкол делали как раз для таких случаев. Да и наша машина была здесь не единственная — две легковушки, недовольно зарывчав моторами, принялись нас обгонять.

Мы катили дальше, я наблюдал через заднее стекло. Гордиевский прогулочным шагом двигался вдоль дома. Он не спеша прошёл мимо арки, и у меня упало сердце. Видимо, предатель что-то заподозрил. Сейчас он протопает туда и сюда, заглянёт для вида в магазинчик в соседнем доме, купит там датскую народную булку под названием шпандауэр — а потом запрыгнет в свой ситроен, развернётся и поедет обратно в посольство.

Но нет, Гордиевский не пошёл в магазинчик. Он сделал ещё пару шагов от арки, потом вдруг резко развернулся и нырнул в её тёмное нутро.

— Тормози!

Я чуть не на ходу вывалился из машины и перепрыгнул на тротуар. Там, напустив на себя озабоченный вид и нервно взглядывая на часы, я поскорее пошагал к арке.

Здесь было слабое звено моего плана. Выследить дом, в котором находилась предположительная явочная квартира английской разведки для встреч с Гордиевским, уже оказалось немалой удачей. Определить же саму квартиру было в этой ситуации делом непростым. Это было бы нелегко и для человека незасвеченного, постороннего, а уж для того, кого объект слежки знает в лицо, и подавно. К тому же, проверять, не привёл ли их подопечный «хвоста», могли и англичане.

Но тут уж приходилось идти на риск.

Заглянув в арку из-за угла, позади припаркованных во дворе машин я увидел знакомую спину, что удалялась в направлении входа в подъезд. Дом оказался квадратным, «колодезного» типа. Как будто ощутив мой взгляд, предатель резко обернулся, я едва успел отпрянуть обратно за угол.

И как теперь узнать, какая квартира? Соваться вслед за Гордиевским в подъезд? Это было бы чистой авантюрой.

Оценив местность и бегло поразмыслив, я придумал кое-что получше.

Пройдя до конца арки, я встал у её края. Напротив меня кособочился старый микроавтобус со спущенным колесом. В его стёклах отражался дом напротив, со всеми его окнами. Определив, где там в автобусном стекле виднеется нужный мне подъезд, я замер и стал ждать.

И точно: скоро в одном из окон чуть пошевелилась занавеска. Это был, конечно, Гордиевский. Опытный шпион не мог не выглянуть и не проверить, как там обстановка во дворе. У шпионов такое происходит автоматически и забито в подкорке — как включение поворотного сигнала у водителя или мытьё рук после сортира у культурного человека. Мою притаившуюся в сумрачной арке фигуру в чёрном пальто Гордиевский мог заметить едва ли. Майор Смирнов предпочитал в одежде тёмные тона, и тут наши с ним вкусы совпадали.

Итак, окно оказалось на третьем этаже. Теперь вычислить расположение квартиры не составляло труда. Но что делать дальше?

Я поразмыслил и пришёл к выводу, что дальше нужно действовать. Выждал немного, собрал решимость в кулак — и пошагал к двери подъезда. Вряд ли Гордиевский до сих пор стоит и пялится в окно. Не для того он сюда, в эту квартиру, приезжает.

Расстояние до двери преодолел быстро. Голова моя при этом сама собой втягивалась в плечи, как будто в ожидании выстрела. А у двери меня ждало то, чего я не заметил раньше. Кодовый замок.

Сюрприз!

Технологично жили европейские капиталисты в 1977 году, ничего не скажешь. У нас такие штуки, если не ошибаюсь, появились куда позже. Я клацнул две кнопки, что показались самыми затёртыми. Ничего. Клацнул три, с тем результатом. Понажимал ещё, уже понимая, что пора с этим занятием завязывать. От опасного окна меня закрывал подъездный козырёк, но противоположная часть дома смотрела мне в спину десятками других окон. Надо было уходить, пока какой-нибудь бдительный датский пенсионер не позвонил в полицию.

И тут вспомнил.

Где-то я слышал, что если такую дверь рвануть на себя посильнее, замок не удержит, она раскроется. По крайней мере, на отечественных просторах такое, говорили, срабатывало. Я огляделся: во дворе никого, в окнах... Да бог с ними. Надо пробовать.

Мне показалось, что слова «рвануть посильнее» прозвучали для дремлющего сознания майора Смирнова приятной музыкой. Тело само собой приняло нужное положение. Ноги встали, как им было удобнее, руки вцепились в холодный металл дверной ручки, плечи приготовились совершить рывок.

И-и... Хряц!

Дверь распахнулась с первого рывка. И звук при этом получился не такой уж и громкий. Вот и отлично.

Из подъездного полумрака пахнуло теплом и мусоропроводом. Здесь кошки свою лепту в привычный коктейль почему-то не внесли. Я притянул дверь обратно, и она защёлкнулась как ни в чём не бывало. Беззвучно и не спеша переступая по бетону ступенек, я стал подниматься на третий этаж.

И во дворе дома, и в подъезде, по-хорошему, должны были дежурить спецслужбисты англичан. Наверное, во время первых здешних встреч с Гордиевским так оно и было. Но с тех пор миновало уже года два или три, и ребята из СИС неизбежно расслабились. К тому же — это всё-таки не домашняя Англия, число работников ограничено, они заняты другими делами.

На всякий случай я проверил площадку на четвёртом, а потом и на пятом этаже. Никто не засел там, прикручивая глушитель к пистолетному стволу или держа наготове трубку для стрельбы отравленными дротиками. Ну и слава богу.

Нужная дверь молчаливо смотрела на меня утопленным в тёмно-коричневом дерматине глазком. Дверь пусть смотрит, мне не жалко — главное, чтобы из квартиры не смотрели люди.

Конечно, прорывался в подъезд и поднимался к этой двери я не для того, чтобы рядом с ней просто постоять. Если поначалу и были сомнения, то теперь я их отбросил. Я собирался проникнуть в квартиру и взять предателя с поличным. Скрутить там всех, а потом вызвать сюда наших, Василия и других. Или самому привезти задержанных в посольство, это смотря сколько их тут окажется.

Да, оружия при мне не было. Незачем простому советскому дипломату, помощнику пресс-атташе, бродить по мирному городу Копенгагену с пистолетом за пазухой. Если кто прознает, поднимется скандал, крику будет на весь Скандинавский полуостров.

Но само тело майора Николая Смирнова, я уже смог это понять и оценить, было в некотором роде оружием. Не то чтобы прямо массового поражения. Но на одного изменника Родины и пару-тройку английских гавриков должно хватить.

Глава 8

Жаль, конечно, что не было у меня какого-нибудь самого заваливающего пистолета. Вооружённым я чувствовал бы себя намного увереннее. Но что толку горевать о том, чего не исправить. Зато у меня имелось кое-что другое.

Я сунул руку в карман и вытащил оттуда один предмет. Когда ещё на пароме, плывшем из Швеции в Данию, я изучил содержимое карманов майора Смирнова, назначение этой продолговатой штуковины дошло до меня не сразу. А это оказался универсальный ключ-отмычка. Потом я проверил его на пассажирской дверце своего фиата, а ещё на двух посольских подсобках. Он действительно отпирал все замки и даже их при этом не повреждал. Нужно было только уметь этой штукой пользоваться. Майор это умел, а значит, умел и я.

Пальцы произвели быструю настройку инструмента. Выдвинутый наконечник с легчайшим звуком вошёл в замочную скважину. Момент был ответственный. Когда я проворачивал ключ-отмычку в замке, сердце колотилось где-то под самым горлом.

Отмычка своё дело сделала, всё получилось почти бесшумно.

Мне вспомнилось, что дверь в московской квартире Гордиевского вот так же вскрывали спецы из КГБ. Это случилось, когда он попал под подозрение благодаря информации «крота» из ЦРУ и был отозван в Москву. Кагешники ребята проверили жилище, а уходя, замкнули дверь в том числе и на третий замок, которым хозяин никогда не пользовался. Конечно, нельзя исключать и обычное головотяпство. Но можно предположить и другое. Предателю как будто подали знак: ты в опасности! И сделали это изнутри КГБ, по приказу кого-то достаточно высокопоставленного. Во всей этой истории бегства Гордиевского из СССР вообще много странностей. Дело было в 1985 году, у власти уже был Горбачёв, так что предположения здесь напрашиваются самые невесёлые.

Я медленно, очень медленно приоткрыл дверь. Заглянул в квартиру, ожидая услышать угрожающий окрик и увидеть перед носом чёрное пистолетное дуло. Не увидел. Вместо дула за дверью оказалась темноватая прихожая с тумбочкой, длинным шкафом и клетчатými обоями. Дальше, как это обычно бывает в квартирах, виднелись другие двери. Из первой, ведущей на кухню и открытой, лился уличный свет.

Мягко ступая по растянувшейся под ногами подстилке, готовый к мгновенному действию, я заглянул на кухню.

Никого.

Отлично. Окажись здесь кто-нибудь, это сильно осложнило бы мою задачу. Скручивать тех, кто здесь собрался, лучше всех разом.

Дальше виднелись всего две двери, одна от санузла, другая, со вставкой из декоративного стекла, вела в комнату. Получается, комната здесь всего одна? Ну, тем лучше. Надо же, английские хозяева не расщедрились для встреч с таким многообещающим агентом даже на «двушку». Или в этом есть какие-то недоступные мне резоны?

А что, обожгла меня тревожная мысль, если квартира эта непростая? Может, из единственной её комнаты есть выход в другую квартиру, а оттуда — в соседний подъезд. И гад Гордиевский уже выбрался из дома и едет сейчас делать своё предательское дело в другое место. А сюда сейчас из этого потайного хода вломится толпа убийц... Или поступит по специальным трубам ядовитый газ. Может, уже поступает...

Я помимо воли принюхался к душноватому комнатному воздуху. Ноздри мне защекотал лёгкий запах парфюмерии. Отравляющими газами здесь, кажется, не пахло. Нет, о квартире-ловушке это я надумал себе ерунду. Хотя сама идея...

Но тут из комнаты послышался звук, заставивший все эти соображения забыть.

Сначала я решил, что мне послышалось. Просто очень не вязалось донёсшееся из комнаты с моими мыслями и моим боевым настроем. Потом звук повторился, и тут уж сомнения отпали.

За дверью тихо стонали. Нет, не так, как стонут те, кому больно или, тем паче, серьёзно раненные. В комнате стонали те, кому было приятно.

Признаться, на какое-то время я совсем растерялся. Что ни говори, а общение агента со своим куратором я представлял себе несколько иначе.

А процесс за дверью набирал обороты. Один из стонущих голосов я определил как женский, и у меня немного отлегло от сердца. Но вопросов это не отменяло. Куратор Гордиевского — женщина? Я такого не помнил. Может, какая-то агентесса из СИС на подмене?

Но, в любом случае: во дают!

И главное: что мне теперь с ними делать?..

Видимо, пребывая в своём объяснимом недоумении, я как-то слишком громко завозился. Так что звуковое сопровождение в комнате чуть попритихло. А потом женский голос негромко, но вполне отчётливо произнёс:

— Подожди! Да стой же, ну. Там кто-то есть.

Сказано это было по-русски и без малейшего акцента. За дверью замерли, а потом активно зашуршали. Коротко скрипнули кровать или диван.

И только тут до меня дошло.

Чёрт побери, ну как я не вспомнил сразу? А ведь читал же об этом. И мало того, что читал — ещё и писал в своей статье, переформулировав прочитанное другими словами. Этот затейник Гордиевский изменял не только Родине. В это самое время он обманывал и жену, встречаясь с другой женщиной, помоложе. Она была из наших, советских, и работала, кажется, в отделении Красного Креста.

Мысли эти вертелись в голове, а я уже выскакивал из квартиры в подъезд. Как мне объяснить своё неимоверное здесь появление? Никак, надо поскорее уходить.

Я рванул вниз по ступеням. Потом передумал: нет, туда мне не надо.

Из комнаты в коридор Гордиевский точно выскочит, быстро подумал я. Дальше, может быть, путаясь в штанах, сунется и на площадку. Но гнаться за неизвестным визитёром дальше он будет вряд ли: лишний шум ему здесь точно не нужен. Нет, он не станет носиться по лестницам и по улице. Он заскочит обратно в квартиру и прильнёт к окну: будет следить за выходом из подъезда. И если из самого подъезда я, укрывшись за козырьком, выбраться неузнанным и сумею, то уйти через арку и не попасть в его поле зрения просто невозможно. Натягивать на уши воротник будет без толку: идентифицировать своего сотрудника предатель сумеет без труда.

Так что побежал я по ступеням наверх.

Гордиевский, надо отдать ему должное, всё же попытался меня преследовать. Я услышал торопливый стук его подошв. Но сам я уже взбирался по вертикальной лестнице к люку, ведущему на крышу. В скобах там блеснул замок, и на одну неприятную секунду я решил, что влип. Но потом вспомнил, каким телом управляю. Пальцы ухватили запирающее железо, рывок — и замочная дужка, жалобно звякнув, полетела на пол.

Крышка люка откинулась, в лицо дуло холодным воздухом. Выскочив на крышу, я тут же захлопнул люк. Подпереть его было, к сожалению, нечем. Поэтому бежать отсюда нужно было особенно быстро.

Крыша соседнего дома оказалась в пределах прыжка, просвет всего метра два. Копенгаген застроен плотно, дома жмутся друг к другу, на это я и рассчитывал. И теперь сиганул с разбега, не раздумывая.

В соседнем доме добрые датские дворники (или кто здесь заведует крышами) оставили люк незапертым. Ну, им же и лучше, не придётся после меня ремонтировать. Сбежав по сту-

пеням в самый низ, я нырнул под удачно расположенные балконы второго этажа. Под этим прикрытием добрался до угла дома. Оттуда было всего несколько быстрых шагов до арки дома следующего. Даже если полуодетый Гордиевский и вылез на крышу, вряд ли у него была возможность меня засечь.

Дальше я пошагал дворами в нужном направлении, успокаивая на ходу дыхание и сердцебиение. Мне было нужно к условленному месту, где ждал Йенс на своём чёрном автомобиле такси.

***

Вот это нелепо получилось, думал я, шагая по холодному бесснежному городу, а потом глядя на его улицы из пассажирского автомобильного окна. А если бы Гордиевский успел выскочить из своей комнаты для любовных утех, и мы столкнулись с ним нос к носу? Что тогда? Как было бы мне правильно себя повести?

Можно было повернуть дело так, как будто я следил за ним по поручению вышестоящего московского начальства. И вот, разоблачил его аморальное поведение. Так, стоп, а что, если и правда?.. Стукнуть на него в Центр? За такие вещи его, по идее, должны будут отозвать, понизить в должности и сослать куда-нибудь на периферию. Укрепит собой национальные кадры в какой-то из республик большой страны СССР. И там, даже если и умудрится восстановить контакт с англичанами, он уже сильно не навредит.

Но нет, едва ли всё так просто. Возможно, и даже скорее всего, такой Гордиевский у врага не один. В Москве, где-то в высших эшелонах КГБ, завелась «крыса» посерьёзнее. А может, их там даже и несколько. Сама последующая история Гордиевского, когда он, пребывая под надзором КГБ, умудрился в 1985 году бежать из страны, об этом свидетельствует. Потому что нельзя уйти из-под надзора КГБ, если тебе не помогает кто-то в самом КГБ. Да и вся дальнейшая история страны СССР, если так подумать... Но на абстрактные мысли я решил не отвлекаться и вернулся к делам практическим.

Подумалось, что можно было разыграть там, в квартире, сцену. Как будто я, то есть майор Смирнов, трагически влюблён в эту женщину, с которой Гордиевский сношается в обеденные перерывы. Вот она бы, конечно, обалдела. И Гордиевского это без шуток напугало бы. А что, в жизни всякое случается — при похожих обстоятельствах, говорят, был в своё время застрелен Киров. Это объяснило бы причину моего там появления, но дальше... Дальше мысль не шла. Хотя саму идею стоило обдумать: ревнивый взбешённый майор, готовый убить голыми руками, в этом что-то было и могло пригодиться. Надо узнать, как хоть эту подругу зовут.

А вот если бы не случилось возможности перебраться на другую крышу. Или замок на чердаке оказался покрепче. Что тогда? Тогда пришлось бы выбивать чьи-то двери, вламываться в квартиры и уходить по балконам. Я представил себе этот увлекательный и живописный процесс. А потом не особенно и удивился, когда в памяти майора Смирнова отыскалось воспоминание о чём-то подобном.

Когда начинается стрельба и беготня по крышам, это значит, что кончилась разведка. Эту фразу я помнил. Сказал так Берия Лаврентий Палыч. Человек неоднозначный, но в этих делах он, пожалуй, разбирался. Стрельбы у меня пока не случилось, а вот по крышам довелось поскакать уже два раза. Но ничего не заканчивалось, всё только начиналось. Так я, по крайней мере, надеялся.

И тут другое, не до конца додуманное размышление вернулось — и отодвинуло все остальные.

Сейчас 1977 год. Здесь, в Дании, в разведке завёлся предатель. Что с ним делать, в общем-то понятно. Пока непонятно — как, но это ничего, это придумается. Но что дальше? Не попробовать ли мне отследить те ниточки, что потянутся, возможно, от Гордиевского вверх?

И выявить других, больших предателей. Которые сейчас ещё не в силе, только осваиваются, карабкаются повыше, пробираются к рычагам. Готовятся. Они ударят позже, в тяжёлый для страны момент. И внесут свой вклад в наступающий хаос и последующий развал.

Мне нужно их остановить. Хотя бы попытаться. Должность майора КГБ, пусть и пребывающего за рубежом, не самая плохая для этого стартовая позиция. И отсюда можно что-то сделать.

От этих мыслей по спине пробежал холодок. Как гора из тумана, проступила передо мной масштабность задачи. И от неожиданности этого грандиозного видения захватывало дух.

Мне предстояло ни много ни мало — изменить историю.

Или хотя бы попытаться.

***

В посольство я успел ещё до окончания обеденного перерыва. Какое-то время посидел в кабинете в одиночестве, скоро подтянулись Вася с Журавлёвым. Потом пришли и двое недостающих соседей по помещению.

Когда в приоткрытую дверь заглянула шатенистая голова и Гордиевский быстро и подозрительно всех оглядел, я поднял на него скучающий взгляд. Сижу, мол, никого не трогаю и по крышам не бегаю, починаю примус, то есть пишу отчёт по оперативной работе с источниками информации. Противник меня не идентифицировал, это было понятно.

Потом я и вправду принялся писать отчёты. Почерк мой поначалу не вполне походил на смирновский, над этим пришлось изрядно поработать. Также для того, чтобы писать всё специальным принятым в ведомстве языком, я подробно проштудировал несколько прошлых документов. Дальше дело пошло нормально. Что именно нужно писать, извлекалось из майорской памяти без труда: как оно работает, разобраться я уже худо-бедно успел.

Домой ехал, когда уже стемнело. Не то чтобы засиделся на работе, просто в ноябре в Дании темнеет рановато.

Свой фиат майор оставлял на площадке перед домом. На охраняемую стоянку, до которой было десять минут хода, топать не ленился — просто хотел, чтобы верная итальянская конячка была поближе, под рукой. Я стал делать так же. Я вообще старался в привычках и поведении майора Смирнова ничего не менять. И всё равно иногда ловил на себе удивлённые взгляды. А может, это мне просто казалось, что я их ловлю. Но тут было не проверить.

Человек, от которого пахло сухой жжёной листвой, подошёл ко мне сзади у самой двери в подъезд. Я услышал его, когда было уже поздно оборачиваться. Лучше не оборачиваться, если в спину тебе тычут чем-то, что самой спиной ощущается как пистолетный ствол.

Подобрался он ко мне умело. Судя по всему, это был профессионал. Дальше откуда-то из тёмных пятен и складок местности появились ещё двое.

Тело подало мозгу сигнал о том, что оно готово действовать. Профессионализм человека с пистолетом имел свои пределы, и тыканье оружием в спину эти пределы несколько сужало. Я почувствовал это как наяву: мгновенный уход с линии огня, захват руки, хруст чужих костей. Сдавленный крик, пистолет меняет хозяина, щёлкают два быстрых выстрела...

Но нет, это было сейчас не нужно. Когда хотят убить, и если уж подобрались вплотную, то стреляют сразу. И там уже без шансов. Эти, пахнущие дымом от сухих листьев, хотели чего-то другого.

— Вы обознались, ребята, — сказал я по-английски. — Мистер Бонд проживает в соседнем подъезде.

Пистолет у моей спины озадаченно шевельнулся, потом замер в исходном положении.

— Хе-хе, — послышалось со стороны одной из тёмных фигур.

Человек шевельнулся и вышел на свет. Он оказался смуглолицым усатым мужичком в длинном пальто и шляпе, надвинутой на самые глаза. Мне подумалось, что лучше бы он надвинул её на уши, они явно замёрзли и светились насыщенным красным цветом.

Вторая фигура, более высокая, продолжала неподвижно столбычить во мраке.

— Нет, мы вряд ли ошиблись, русский камрад, — заговорил усатый, и я предположил, что основной язык у него испанский. — Если ты советский дипломат Ник Смирнофф, то мы точно не ошиблись.

Он и внешне походил на испанца, но происходил скорее откуда-то из Южной или Центральной Америки. Я посмотрел в его прищуренное лицо. Потом показал ему свои пустые руки и скрестил их на груди.

Человек зубасто, по-лошадиному заулыбался и кивнул. Я почувствовал, что пистолет тыкаться мне в спину перестал.

— Отойдём? — предложил я. В доме по большей части жили не шпионы, а честные дипломаты и технические работники посольств, и пугать их этими бандитскими мордами было совершенно ни к чему.

Мы переместились за угол, при этом троица окружила меня и держалась настороженно. Оно и понятно: если тычешь в человека пистолетом, он может обидеться, а от обиды сделать какую-нибудь глупость.

Остановившись под глухой стеной без окон, я с интересом уставился на своих неожиданных собеседников. На двоих из них, третий по-прежнему топтался у меня за спиной. Ну, хотя бы пистолетом уже не тыкал.

Да, жизнь у майора Смирнова скуки не предусматривала.

— Мы здесь для того, — не стал тянуть кота за хвост всё тот же разговорчивый вечерний гость, — чтобы передать приглашение о встрече от одного уважаемого человека. Приглашение для срочной беседы... С большой надеждой на то, что оно будет принято.

Он ухмыльнулся, а позади меня послышался негромкий скрипучий смех невидимого пистолетчика. Третий участник компании, высокий, тоже усатый и тоже в шляпе, стоял молча и не меняясь в лице. Может, не знал английского. Мне подумалось, что эти двое усачей очень мне кого-то напоминают, но так и не понял, кого именно.

Я хотел сказать, что попытаюсь найти окно в своём плотном графике и записать их на следующий месяц. Потом решил, что юмора, учитывая обстоятельства, будет хорошо в меру. Спросил только:

— Ничего, что я пойду в гости с пустыми руками?

Собеседник дёрнул усами, как мне показалось, с некоторым облегчением.

— Ничего, камрад. Там уже всё есть, не хватает только тебя.

Глава 9

Длинный автомобиль неизвестной модели пронёсся по уже знакомым мне улицам. Молчаливый усатый здоровяк крутил руль умело. Мелькали светофоры, огни вечернего города отражались в тёмной воде каналов.

Мои попутчики молчали. Тот, что говорил со мной на улице, развалился на переднем сиденье. Пистолетчик, что оказался неприятным на вид типом средних лет, сидел рядом со мной. Усов он не носил, но шляпа присутствовала, это у них было как униформа. Он отодвинулся к окну и держал руку под поллой пальто. От всех троих пахло жжёными листьями.

Машина повернула от центра, немного попетляла переулками. Потянулась тёмная улица с приткнувшимися по обочинам грузовиками. В свете фар мелькали бетонные заборы, на фоне пасмурного беззвёздного неба угадывались очертания промышленных построек. Потом их сменили портовые краны. Мы двигались на восток, к морю. И в конце концов туда и приехали.

Свернули с дороги, проехали мимо поднявшегося шлагбаума вдоль высоких сумрачных ангаров. Дальше показался корабль.

Мы остановились на бетонном пирсе и вышли из машины. У трапа дежурил человек с «Калашниковым», он отступил в сторону, давая нам пройти. Вода тихо хлюпала вниз и была чёрная, как нефть.

Немного пройдя по палубе, мы по очереди нырнули в проём, над которым горел продолговатый фонарь. И после тесного коридора оказались вдруг в большой каюте. Наверное, правильнее было называть её кабинетом.

На улице здесь пахло солёным ветром и простором, а внутри всё пронизал дым сигары. Сигару курил человек в полосатом костюме-тройке. Он сидел за столом. Его смуглое хищное лицо бороздил давний шрам, что проложил свой жутковатый изгиб из-под глаза в район между ухом и шеей.

Память майора определила этого персонажа как Карлоса Монтеро. Он был родом из Колумбии. И жил на корабле.

С отделанных тёмным деревом стен блестели в рамках за стеклом фотографии. Карлос Монтеро позирует с убитым львом. Карлос Монтеро с убитым слоном, вздымаются поверженные бивни. Карлос Монтеро возле туши носорога. Карлос Монтеро с какими-то людьми — те улыбаются, наверное, радуются, что Карлос Монтеро не застрелил их, как тех льва и слона.

Под фотографией, где кровожадный Карлос большим десантным ножом вырезает кусок из распростёртого антилопьего туловища, примостился на стуле мой знакомец Леонардо. Сидел он как бы тоже за столом, но только где-то у самого краешка. И вид имел тихий и печальный.

Ага. Значит, напрасно я подумал на некие майорские дела. Сегодняшнее душевное приглашение я заслужил сам, когда спасал этого бразильского оболтуса от малазийцев. Только при чём тут колумбийцы? Впрочем, это должно было выясниться в самое близкое время.

— Приветствую, русский камрад, — пророкотал Карлос Монтеро, подниматься со стула он не стал. — Выпей со мной.

Он двинул по столу хрустальную рюмку с коньяком, початая квадратная бутылка стояла на столе между тарелок с бутербродами и фруктами. Я подошёл. По виду бутылки коньяк был недешёвый, по вкусу... не знаю, я не умею отличать, разве только попадётся полная дрянь. Закусил ломтиком лосося на кусочке хлеба. И уселся на один из расставленных вокруг стола стульев.

Привезшие меня усатые парняги скромно жались у дверей. Мне показалось, смотрели они с завистью, им-то здесь коньяка не предлагали. Внезапно я понял, кого эти двое мне

напоминают. Они были точь-в-точь как два гангстера из мультфильма про капитана Врунгеля. Такие же усатые и носатые, только шляпы другие.

Третий из их команды ни на что хорошее похож не был. Он замер по другую сторону от двери и маячил там, как вылепленная неумелым скульптором статуя.

Карлос Монтеро отставил свою рюмку и промокнул губы большой салфеткой.

— У нас с тобой вышло досадное недоразумение, русский камрад, — произнёс он, и его волосатые ноздри шевельнулись. — Очень досадное...

Дальше я услышал поучительную историю. О том, как один жадноватый бразильский дипломатик решил подзаработать. А на чём ещё зарабатывать бразильцу, как не на кофейном экспорте? Тут как раз подвернулся коллега из Колумбии, и не кто попало, а целый вице-консул. У него были покупатели на крупную партию кофе, найти товар в Бразилии и заложить туда свой интерес было несложно. Заплатить приходилось сразу, и общительный бразилец подключил к бизнес-проекту своих дипломатических знакомых: малазийских ребят, человека из посольства Японии и ещё кого-то по мелочи. Больше всего удалось позаимствовать у того же колумбийского вице-консула. По пути корабль зашёл в Колумбию, часть товара сгрузили там, остальное приплыло в Данию. И тут по какой-то причине покупатель пошёл в отказ. Кофе пришлось выгрузить в арендованный склад, и что делать дальше было непонятно.

Кредиторы бразильского дипломата стали интересоваться, когда же они получат назад свои деньги плюс заработанное на сделке. И узнали, что сделка не состоялась, а они теперь должны немалые суммы колумбийской кокаиновой мафии. Дело в том, что в длинном компаньонском договоре, который все, даже умудрённый жизнью японец, подписали не особенно вчитываясь, присутствовал незаметный пункт, где они значились как поручители бразильского дипломата. А происхождением денег колумбийского вице-консула тот, обрадованный скорыми заработками, и не поинтересовался.

Конечно, всё это, включая вымышленного покупателя, было придумано колумбийцами. И судно заходило к ним на родину не для того, чтобы сгрузить часть злополучного кофе, а чтобы попрятать среди кофейных упаковок кое-что своё, хоть тоже сыпучее, но белое и на кофе не похожее. Наркоторговцы не только получали бесплатный межокеанский транспорт, но попутно наживались на простофилях-дипломатах: в договоре, конечно, предусматривались изрядные проценты за несвоевременный возврат денег.

Когда к компаньонам Леонардо стали пока ещё вежливо обращаться люди Карлоса Монтеро, те повели себя по-разному. Кто-то попрятался. Японец перестал выходить из посольства и, возможно, искал там в справочниках информацию о том, как правильно совершить японский народный суицид сепукку.

А малазийцы решили во что бы то ни стало поговорить с корнем всех бед — Леонардо. Отыскать его оказалось, понятное дело, непросто. Когда же им это удалось и они только начали беседу, за него неожиданно вписался посторонний в этом деле человек из большой северной страны. А раз так, то тем самым он перестал быть посторонним. То есть взял на себя часть долга Леонардо перед жутким человеком со шрамом на лице. По крайней мере, малазийцам это виделось именно так (а то процентов там набегало уже немало). И Карлос Монтеро не стал вести себя как бюрократ, а пошёл им в этом навстречу.

В общем, теперь с меня было что-то около тридцати тысяч зелёных американских долларов. И проценты начислялись ежедневно.

— Неприятная ситуация, — согласился колумбийский босс, прочитав мои, мягко говоря, удивлённые мысли. — Но раз так получилось, то никуда не денешься: в урегулировании финансового вопроса придётся поучаствовать.

Раздавленная в пепельнице сигара выпустила последнюю струйку дыма и погасла.

Усатые гангстеры смотрели на меня с любопытством. Были ли они вооружены, я не знал. Наверное, были, какой же гангстер без оружия. Безусый, у которого пистолет точно имелся,

смотрел без любопытства, но внимательно, и глаза его походили на те же пистолетные дула. О том, что сам я без оружия, они знали, не зря обыскали меня перед тем, как завести сюда к своему хозяину.

Интересно, подумалось мне, этот любитель сафари и международный кидала понимает, с кем связывается? Отдаёт он себе отчёт, что я могу вот прямо сейчас прыгнуть с места — и легко свернуть ему шею? И пока я это сделаю, его работники не успеют даже сунуть руки в карманы. А когда наконец сунут, станет поздно: прикрываясь от пуль туловищем Карлоса или, по ситуации, столом, я буду уже рядом с тем из них, кто в деле вытаскивания пистолета окажется быстрее. Или же просто уйду через дверь.

Это было не пустое бахвальство, я чувствовал, что способен это сделать. Периферийная часть сознания, усиленная опытом и умениями майора Смирнова, исподволь, без моего прямого участия, обдумывала возможное развитие событий. Так генштаб любой уважающей себя армии готовит варианты своих гипотетических действий, в том числе самые агрессивные. А обыватели, прознав через годы какие-то этого отголоски, ужасаются, принимая всё за реальные, но неосуществившиеся планы.

Наводить шороху в этом живописном, хоть и мрачном кабинете-каюте я пока воздержался. Но Карлос Монтеро, наверное, прочёл что-то такое в моём взгляде. А может, всё у него было продумано заранее.

По его чуть заметному знаку один из усатой парочки скрылся за дверью. Скоро он вернулся, и не один. Впереди себя он толкал невысокого человечка в костюме и при галстукке. Тот был так бледен, что я не сразу признал в нём малазийца. Это был один из тех, с крыши. Он держал под руки Леонардо, когда малазийский босс Дато Буанг Разали Джалал пытался с тем говорить.

Сейчас малазиец побледнел совсем не напрасно. Как только усатый отпустил его и отошёл к двери, Карлос Монтеро приподнял бровь и со значением кивнул.

И тогда загремели выстрелы.

Малазиец вскрикнул и задёргался под разящими пулями. Постоял секунду, продырявленный, с выпученными от боли и ужаса глазами. И рухнул на пол.

Собирались ли здесь застрелить также и Леонардо, а может, и меня? Вряд ли. Это было бы нелогично. Но бандитскую извращённую логику понять иногда непросто. Как бы там ни было, это осталось неизвестным.

При первом же выстреле я рухнул на спину вместе со стулом. Перекатился и вскочил рядом со стрелком. Вырвал пистолет, приложил убийцу рукояткой по голове. И, держа обмякшее тело в качестве щита, повёл оружием от усатых гангстеров в сторону их застывшего за столом босса.

Гангстеры усталились на меня с поднятыми руками. Потом они перевели взгляд на Карлоса, и руки их пристыжено опустились. Но не до конца. Сам глава мафиозных колумбийцев держал руки на столе. Человек был опытный, он всё понимал.

Малазиец лежал на полу без движения, под телом разрасталось кровавое пятно. Ему было уже не помочь.

Не убирая рук со столешницы, Карлос Монтеро поднялся. Постоял недолго, потом вышел из-за стола. Сделал два шага в мою сторону. Остановился — не настолько близко, чтобы начинать его опасаться.

— Ты всё неправильно понял, русский камрад, — раздался его вкрадчивый голос. — Мы только обозначили всю серьёзность ситуации. Тебя убивать никто не собирается, ни сейчас, ни позже.

Он прищурил глаза и вдруг рассмеялся хриплым и каркающим смехом.

— Нет, я вовсе не мечтаю, чтобы ваше страшное Кей-Джи-Би гоняло меня по всему миру до конца моих дней!..

Отсмеявшись, Карлос Монтеро дёрнул шеей и мгновенно стал серьёзен. Шрам на щеке побелел, а в глазах прорезался холодный металлический блеск. Мне подумалось о другом металле — том, который сотворил этот шрам. Что это было, полицейская пуля? Мачете соперника за главенство в банде? Или мотыга ограбленного и отчаявшегося крестьянина? В любом случае: сделай тот металл своё дело, мир, кажется, стал бы немного чище.

— Я не думаю тебя убивать, — повторил Карлос. — Зачем? Мой аргумент состоит в другом. Я расскажу тебе. Мы работаем здесь давно, у нас есть связи. Сначала мы опасались... Но местные чиновники, они тоже продаются. Ещё как продаются! Просто стоят дороже, чем в других местах, как они это называют — в третьем мире. Да ты знаешь это и сам...

Он замолчал. Я разжал пальцы, и тело стрелка по безоружным глухо стукнулось о пол. Потом я подумал и опустил руку с пистолетом.

— Я могу устроить так, что советский дипломат Ник Смирнофф будет объявлен в королевстве Дания персоной нон-грата. «За деятельность, несовместимую с дипломатическим статусом», — процитировал он формулировку. — Это нетрудно устроить. Не скажу, что дешево, но нетрудно. И если это станет делом принципа... В общем, я надеюсь, мы друг друга поняли.

Карлос Монтеро прищурился. Взгляд его чёрных неподвижных зрачков упёрся мне в переносицу. Пожалуй, он не блефовал.

— Я ухожу, — сказал я.

Нужно было всё обдумать. Но сначала нужно было выбирать с этого поганого корабля.

— Когда мне ждать мои деньги? — спросил Карлос Монтеро.

Хотелось ответить ему что-то дерзкое. Что деньги — зло. Или сказать, что при коммунизме денег вообще не будет, это его наверняка озадачило бы. Но я не стал ничего говорить о деньгах. Со всем этим мы будем разбираться потом.

— Вот это я возьму с собой, — сказал я, взмахнув у него перед лицом пистолетом.

Он молча смотрел.

— И это тоже.

Я указал на Леонардо. Тот, просидевший всё это время под стеной в полуобморочном состоянии, встрепенулся. Его глаза недоверчиво заблестели. Потом он медленно поднялся и, шатаясь как пьяный, побрёл ко мне. Если бы колумбийский босс взглянул на него, не исключено, что Леонардо этим взглядом отбросило бы обратно на стул. Но Карлос Монтеро на него и не посмотрел.

Широко обойдя мёртвого малазийца и едва не наступив на его лежащего без сознания убийцу, бразильский дипломат подошёл и укрылся от взгляда Карлоса у меня за спиной.

Я шагнул к двери. Мафиозный босс не двигался. Его усатые бойцы топтались на месте и вращали глазами, но лезть под пистолет дурных не было. Проверив, что за дверью нас не поджидают, я вытолкнул туда Леонардо, а потом вышел сам.

На палубу за нами никто не выскочил. Мы пошагали к трапу. Там беспрепятственно спустились на пирс. Человек с автоматом взглянул на нас. В глазах его мелькнул вопрос, но он благоразумно оставил его при себе. В сумраке у ангара я заметил ещё одну фигуру с «Калашниковым». Человек просто стоял, и я сделал вид, что не заметил его.

Потянулись пятьдесят метров ожидания: не резанут ли тишину крики, не щёлкнет ли затвор. Не резанули, не щёлкнул, стрелять в нас никто не стал.

Дежурному у шлагбаума было всё равно, кто мы такие и почему здесь ходим. Мы пожелали ему буэнос ночес и нырнули в темноту улицы. Никто не увязался за нами и дальше. Колумбийцы не боялись, что мы пойдём в полицию. Те, кто имеют финансовые дела с кокаиновой мафией, в полицию не ходят. И кадровые офицеры КГБ такой привычки тоже не имеют.

Когда мы отошли достаточно далеко, я протёр пистолет носовым платком и выбросил в мусорный контейнер.

***

Ничего платить колумбийцам я, конечно, не собирался. Облезет этот корабельный Карлос Монтеро. Тридцать тысяч долларов это и через пятьдесят лет немаленькие деньги, а здесь так вообще целое состояние. Да и не в этом дело.

Да, бразильский приятель Леонардо принёс неожиданную проблему. Раньше у майора от него была в основном польза. Благодаря невероятной общительности у этого шалопая имелась масса знакомых, причём не в среде одного лишь дипломатического корпуса, но и в правительстве, деловом мире, в прессе, среди богемы. Да и вообще везде, где только можно придумать. Этими своими знакомствами он легко делился с майором Смирновым — а знакомства это хлеб разведки.

Иногда через Леонардо майору перепадали такие контакты, что этим окупались все сопутствующие проблемы. Даже такие, как сегодняшняя. Например, упомянутый японец был не каким-то затрапезным дипломатишкой, а крупной фигурой, военно-морским атташе, и майор уже давненько к нему присматривался. То, что теперь японец влип в финансовые неприятности, открывало значительные перспективы.

— Куда мы идём, Ник? — жалобно спросил Леонардо. — Опять пить водка?

Мы уже выбрались на улицы, где светили фонари и бродили прохожие, обычные люди, не убийцы, не вымогатели и не наркоторговцы.

— Нет, сегодня водка мы пить не будем. После водки наутро болит голова. А тебе с утра нужно заниматься делом: куда-то пристраивать твой кофе, чтобы поскорее вернуть деньги. Много там его?

— Очень много, Ник. Тонны и тонны. Это катастрофа, Ник...

— Ничего, продастся. Постепенно, малыми партиями. Курочка по зёрнышку.

Леонардо остановился под декоративным фонарным столбом. Прислонился к нему, провёл по лицу рукой в красной вязаной перчатке.

— Какая курочка, Ник? Какие зёрна? Кофе растворимый, в стеклянных банках. Я тебя не понимаю, Ник. Вы у себя в России кормите куриц кофейными зёрнами?

— Нет, — сказал я. — Это такая поговорка, не обращай внимания. О, смотри, такси!

Я взмахнул рукой, и белая машина с табличкой на крыше затормозила у тротуара. Нужно было срочно отправлять этого охламона. Польза пользой, но я мог его ненароком и придушить.

— Давай, езжай-ка домой. Нет, лучше переночуй в посольстве. И вот что: позвони японцу...

— Японцу? Он не в духе, Ник. Последний раз, когда мы с ним встречались, он гонялся за мной с самурайским мечом. Я говорю тебе правду.

— Нет, ты позвони. Скажи, чтобы он не отчаивался, ему помогут.

В голове болтался обрывок идеи, но обдумать это всё я собирался позже, на свежую голову.

— Помогут? Что ты имеешь в виду, Ник?

— Пока ничего конкретного. Всё, давай, езжай.

Я захлопнул дверцу. Машина тронулась. Сам я пошёл вдоль дороги, и скоро меня подобрало ещё одно такси.

На этот раз возле двери подъезда меня никто не поджидал и пистолетным стволом в спину не тыкал.

Ждали меня рядом с дверью в квартиру.

Глава 10

Фигуру в темноте лестничного подъёма я скорее почувствовал, чем увидел. Замер, сгруппировался. Когда человек на ступенях пошевелился, я уже почти прыгнул на пол, чтобы тут же взвиться оттуда разящей боевой машиной. Но вовремя понял, что этого не требуется.

— Отставить, — послышался из сумрака усталый и чуть насмешливый голос.

Звякнуло стекло, повеяло лёгким перегаром.

Это был коллега Василий.

Так бывает: ты направляешься к себе домой с твёрдой установкой на трезвый, полный серьёзных размышлений вечер. Ты уже стоишь с ключом у двери. Но у судьбы оказываются на этот счёт другие планы.

Вася пришёл к своему другу майору Николаю Смирнову. Он пришёл со своим. Он долго прождал на площадке перед дверью, и пока ждал, из этого своего у него почти ничего не осталось. На то у Васи имелась понятная и простительная причина. Вася поругался с женой.

Настольная лампа освещала нашу спартанскую трапезу. Яичница, крупно нарубленная колбаса, разогретая вчерашняя вермишель, вываленные из банки в тарелку консервированные овощи. Бутылка, два стакана. Шторы были задёрнуты: нечего врагам-капиталистам за нами подсматривать.

Что там стряслось у Васи с супругой я, признаться, не очень и понял. Расстроенный Вася раза три начинал: «Вечно она заводит вот это своё...», потом махал рукой и брался за стакан.

Семейная ссора в условиях заграничного пребывания это, конечно, дело тяжкое. Жена не имеет возможности уехать, обидевшись, к маме. Ты не можешь плюнуть и сбежать на пару дней на рыбалку. А если о конфликте прознает начальство, так ещё и нагоняй всыплет. Я малодушно порадовался, что майор Смирнов проживал здесь один. Каково было бы приходить сюда к чужой женщине, ежедневно с ней общаться... Делить супружеское ложе... Вдруг бы она оказалась страшная, как ядерная угроза?... Да, с этим мне однозначно повезло.

Изрядно окосевший Вася принялся-таки что-то рассказывать, про какие-то куртки, которые нужно было купить родителям жены и из-за которых и случилась размолвка. Я не слушал. Я думал о другом. О том, что все эти бразильцы, малазийцы и особенно колумбийцы отвлекают меня от моего главного дела. Вылезают, выпрыгивают, как чёртики из коробочки. Мешают, мешают. Так что пусть идут они все лесом. По крайней мере — пока я буду заниматься тем, что куда важнее.

— Ты, давай, не загружайся этим всем, — обратился я к Васе, когда тот замолчал и стал понуро водить пальцем по клеёнке на столе. — Отвлекись. Скажи вот, например, что ты думаешь о нашем руководителе, Гордиевском Олеге Антоновиче?

Василий посмотрел на меня исподлобья. Моргнул пьяно и удивлённо. Потом откинулся на спинку стула и слегка пристукнул ладонью по столу.

— Да что там о нём думать... Начальник как начальник. И дело вроде знает. Сам правда, вербует и добывает немного, всё какую-то мелочёвку. Ну, я так слышал. Но ему уже и не надо, он теперь руководит. Центру виднее кого главным ставить, там свои резоны.

Прервавшись на то, чтобы выудить из тарелки затопленный в томатном соусе кусок какого-то овоща и откусить оттуда кусок, Вася продолжил:

— А как человек он так себе. Я бы даже сказал, говнецо человек. Высокомерный слишком. Думает, если в театр ходит и пару-тройку умных книжек прочитал, то он тут белая кость среди черни. Это же заметно, не? Хотя с чего там нос задирать, непонятно. Наш Лapidус, вон, пообразованнее некоторых будет, а аристократа из себя не корчит.

Вася замолчал, посмотрел на меня с прищуром.

— Ну что, всё записал, диктофон не подведёт?

— Ты чё, Вася? — опешил я от такого поворота.

— Да шучу, шучу. Вечно ты шуток не понимаешь.

Шутник, блин.

— У тебя потом перепишу, если что, — пробурчал я.

Этот анекдот про двух кагэбэшников Вася знал, заулыбался.

Но разговор этот затевался мной не для того, чтобы мы тут обменивались шутками.

— Гордиевский работает против нас, — сказал я.

Бахнул из главного калибра. Выложил карты на стол. Раскрыл человеку душу.

— Да это я уже давно понял, — ответил Вася.

После таких слов у меня перехватило дыхание. Я крякнул, закашлялся, и недавно съеденное и выпитое чуть не попросилось из меня обратно. Вася всё знает? И молча работает под началом изменника Родины? Да что у них тут такое творится?!

Коллега Василий заботливо похлопал меня по спине.

— Что именно тебе известно? — спросил я осипшим голосом.

Вася, кажется, удивился.

— Да то же, что и тебе. Что когда его утвердят в должности резидента, он постепенно притащит сюда других людей. А нас попереводят куда-нибудь, к чертям собачьим. Работать в Дании желающих полно.

Вот он о чём. Ну, это ладно. У меня отлегло от сердца.

Но нужно было повернуть разговор в нужную мне сторону.

— Нет, Вася, я не о том, — сказал я. — Гордиевский предатель. Он работает на англичан.

Вася молчал, наверное, с минуту.

— Откуда информация? — спросил он наконец.

— Из оперативных источников, — расплывчато ответил я.

— А, понятно, — сказал Вася. — От Леонардо, небось. Или от другого такого же пентюха.

Вася не очень доверял способностям майора Смирнова добыть информацию такой значимости. Отчасти он был прав, вербовок кого-то из руководства датской контрразведки или среди английской резидентуры за майором не числилось.

— Там посерьёзней человек, — попытался заверить я.

Получилось неубедительно.

— Тебе сами англичане эту туфту и подбросили, — заявил Вася, — эти такое любят.

Его пальцы сердито забарабанили по столу.

— Да. Или цэрэушники. А ты хаваешь, как толстолобик прикормку. Ещё и со мной притащил поделиться, блин. Нет, Колян, это туфта. Он, Олег наш, знаешь из какой семьи? Отец всю жизнь в НКВД и дальше в МГБ, брат старший тоже из наших, мне говорили, вроде бы нелегалом где-то. Нет, в этом смысле он надёжен.

Вася ненадолго задумался, почесал под носом.

— Вообще это обычная для англо-саксов практика. Сеют, так сказать, недоверие. Я, слышь, когда в Алжире работал...

Тут он запнулся, замолчал. Посмотрел задумчиво на потолок и на стены. В глазах мелькнуло нечто, похожее на внезапное понимание. Он вскочил, поискал что-то на кухонных полках и в серванте. Побежал в коридор, тут же вернулся, неся в руках небольшую книжицу и шариковую ручку.

Книжица оказалась блокнотом для записей. Вася распахнул его и размашисто вывел на чистой странице:

«Ты это для прослушки болтаешь? Операцию, что ли, проводим?»

Передал ручку мне.

«Нет, я серьёзно», — написал я под его каракулями.

«Тогда иди в жопу, легковёрная ты дубина», — сделал он новую запись.

Написав это, Вася поднялся и пошаркал к выходу. Он сунул ноги в башмаки, забрал с вешалки пальто и ушёл не прощаясь.

***

Утром на работе мы с Васей поздоровались обычным образом и потом общались весь день как ни в чём не бывало. Вася пахнул одеколоном, и о вчерашнем возлиянии средней степени тяжести ничего в его облике не напоминало.

Полдня я провёл за бумажной работой наподобие вчерашней. В обеденный перерыв Гордиевский за пределы посольства не выходил, так что викинг Йенс, дежуривший в своей чёрной машине такси недалеко от ворот, мне не понадобился.

После обеда я отправился в город и занялся делами оперативными. В майорском графике значилась встреча со знакомым журналистом, Мартином Нильсеном, тот представлял одно скромное, но прогрессивное издание. Иногда там печатали материалы, которые готовили советский пресс-атташе или сам майор. Но суть отношений с Мартином заключалась в другом: Мартин подбрасывал свежую информацию о политической и экономической жизни страны. Майор, в свою очередь, служил для своего собеседника источником интересного из сферы дипломатии и международных отношений. В общем, сотрудничество это было взаимовыгодным.

Дальше я для отвода глаз встретился с ещё одним газетчиком, потом поболтал с весёлым толстяком, ведущим политическую передачу на радиостанции. Дальше в списке была толстая рыжеволосая бабища из международного журнала, от которой пахло кислой капустой и которая разорила советскую резидентуру на целых три недешёвых коктейля. Потом ещё две встречи с не такими колоритными собеседниками.

Покончил с этой обязательной программой я уже ближе к концу рабочего дня. И тогда поспешил в прокат автомобилей. На вечер у меня имелись некоторые планы. Для их осуществления была нужна машина — такая, что не будет меня выдавать, если мне потребуется поколесить за кем-нибудь по городу. Эксплуатировать третий день подряд Йенса было уже неприлично.

Заведующий прокатом, невысокий тип с испитым лицом и хитрыми бегающими глазами, всё пытался втюхать мне что-то из дорогих экземпляров. Такая машина, новенькая и блестящая, наверняка притягивала бы на дороге лишние взгляды. А как раз это было мне категорически не нужно. В конце концов я ткнул пальцем в невзрачный тёмно-синий форд, протянул положенную сумму в кронах и потребовал ключи.

К посольству я подъехал к тому времени, когда народ расходился и разъезжался оттуда по домам. Припарковался в проулке и стал наблюдать.

Люди выходили из ворот. Прошёл к своей машине насупленный Пеняев. Мелькнула среди других посольских работников блондинистая голова Кисляка. Пошагали по тротуару Журавлёв с другим моим соседом по кабинету. Вася и доктор Лапидус вышли за ворота вместе, постояли, о чём-то болтая, попрощались за руку и разошлись.

Объект моего ожидания Олег Гордиевский показался только через час. Понятно, подумал я со злостью, уходит с работы позже всех, как примерный руководитель. А сам переснимает там на микрокамеру «Минокс» секретные документы советской разведки для своих английских хозяев. Хорошо пристроился, сволочь. И за руку не поймаешь, запирать кабинет он при этом наверняка не забывает.

Остаётся только — вот, следить.

Во всяком случае, я точно знал, что его встречи с английским куратором — неоспоримый факт. Буду следить. Рано или поздно я застигну его на месте преступления, скручу и выбью признание. Чистосердечным оно не выйдет, потому что сердце у предателя грязное и гнилое.

Но коллеги здесь и начальство в Москве, думаю, примут это признание во внимание, каким бы оно ни было.

Гордиевский уселся в свой Ситроен и выехал на дорогу. Отпустив его подальше, я двинулся следом.

Шанс на то, что объект моей слежки прямиком с работы отправится на встречу с английскими разведчиками, был не велик. Этого и не случилось. Поездка по городским улицам длилась недолго, и приехали в знакомые места — туда, где мы проживали в соседних домах. Гордиевский зарулил на подземную парковку, в его доме имелось такое роскошество. Я же пристроил машину поодаль, но так, чтобы оттуда хорошо просматривался выезд.

То, что предатель выедет обратно в ближайшие полчаса, было маловероятно. Я не был уверен, что он вообще сегодня покажется из квартиры. Поэтому решил заскочить домой. Есть не хотелось, половину своих рабочих встреч я провёл в ресторанах и кафе, так что налопался там до отвала и с запасом. Но дежурить в машине я намеревался как минимум до полуночи, так что вопрос с питанием надо было решить.

Из моей комнаты были видны окна квартиры Гордиевского в доме напротив. Я постоял минут пять, понаблюдал. На кухне там горел свет, несколько раз мелькнула светлоголовая фигура жены Гордиевского, Ирины. Сам он тоже пробыл какое-то время за кухонным столом, потом ушёл. Скоро в зале зажёгся неяркий свет — торшер или настольная лампа. Квартира была выше моей на два этажа, сильно не понаблюдаешь. Видимо, предатель завалился на диван с томиком какого-нибудь Теннисона, на языке оригинала.

Или же включил лампу, наоборот, для конспирации. А сам уже оделся и спускается по лестнице.

Было чуть больше половины восьмого. Я рассовал по карманам приготовленные бутерброды и бутылку с водой и потопал на улицу, к машине.

Потянулось время ожидания. Устроившись на заднем сиденье, я смотрел на выезд из подземного паркинга, что находился метрах в ста. Свет уличных фонарей искоса освещал стену дома, и прямоугольник проёма выглядел как пещера. Вылезет ли сегодня вечером из этой пещеры дракон? Кто его знает. Но следить за его пещерой нужно. Вылезай, драконище! Всё равно в покое я тебя не оставлю. Буду поджидать каждый вечер, а на выходных засяду здесь с самого утра. И когда время наступит, я не оплошаю. Так чего тогда тянуть?

Но никто из парковки не выезжал. Все только, наоборот, заезжали туда, гасили фары своих машин и, не выходя наружу, поднимались по внутренней лестнице к себе в квартиры.

У себя дома сидел сейчас и предатель Гордиевский. Если только он не умудрился выскочить из квартиры за то короткое время, когда я поднимался к себе. Но это вряд ли. Окон его квартиры отсюда видно не было. Но оно, пожалуй, и к лучшему: так у него не было возможности даже случайно засечь, как его подчинённый Николай Смирнов залез зачем-то в неизвестный автомобиль и сидит там часами напролёт.

Подъездная дверь с моего места тоже просматривалась, так что уйти из дому пешком, без машины, мой подопечный тоже не мог.

Время шло, я сидел. Автомобили стали заезжать в паркинг всё реже. По тротуару мимо моего укрытия то и дело проходили люди. Поодиночке, вдвоём или плетясь на поводке за своим четвероногим собачьим питомцем, датчане совершали вечерний променад. Однажды из проёма выехала-таки машина. Я подскочил, готовый поскорее перебраться на водительское сиденье и трогать в путь. Но нет, то оказался посторонний микроавтобус, и мордатый мужик за рулём на Гордиевского походил мало.

— Ну, блин.

Разочарованно ругнувшись себе под нос, я продолжил ждать дальше.

Место моё с точки зрения наблюдения за выходом и выездом было отменное. Только вот в одном моменте оно подкачало. За тем, чтобы удовлетворить малый зов природы, пришлось

отойти от машины довольно далеко. Как-то неловко было делать это чуть не у всех на виду. Тем более, у них тут что ни стена, то памятник архитектуры. Нарвёшься на полицию, потом реакционная пресса радостно разнесёт новость: советский дипломат справил нужду на историческое здание такого-то века.

Пока я искал укромный угол и крался в темноте, закон подлости проявил себя во всей своей красе. Выяснилось, что закон этот вовсю работает и в 1977 году.

Возвращаясь по тротуару обратно, я услышал шум мотора. А потом со стороны дома на дорогу выехала машина. Это был он, ситроен Гордиевского! Я едва успел пригнуться за тёмной полосой кустарника. Набирая скорость, автомобиль предателя прошуршал в ту сторону, где вдалеке моргали жёлтые огни светофоров.

Укрываясь за рядом припаркованных машин, я рванул к своему форду.

***

Пока я попадал ключом в замок зажигания и потом выруливал с обочины, ситроен был уже далековато. Загорелись красные огни, водитель притормаживал у перекрёстка. Потом, моргая поворотниками, машина ушла налево и скрылась из вида.

Я вжал педаль газа в самый пол, форд протяжно зарычал, и я погнался за предателем.

В поворот вошёл с небольшим заносом и визгом резины. Летел не зря — ещё секунда, и поворачивающее вдалеке с главной дороги белое авто я бы уже не увидел. Понёсся туда по пустому вечернему городу. На повороте едва не врубился в вынырнувшее с той самой улицы бестолковое такси. Теряя драгоценные секунды, подождал, пока машина с шашечками освободит проезд. А повернув, увидел, что дорога впереди совершенно пуста. Ситроен Гордиевского с неё пропал.

Я покатил по длинной улице, на которую лили свой скудный свет редкие фонари. Пересёк три перекрёстка — на каждом вертел головой, не мелькнут ли слева ли справа знакомые красные огни.

Огни мелькнули, и мой форд устремился туда. Я гнался за машиной, что уходила по тёмным, насыщенным поворотами улицам. Я старался не слишком сокращать дистанцию. У меня, в общем-то, неплохо получалось.

А потом встречные фары осветили того, за кем я тут гоняюсь... И это оказалась не машина Гордиевского. То был какой-то никчемный и бессмысленный рено.

Развернувшись с хрустом руля и скрежетом ходовой части, я полетел обратно. Вернулся на предыдущую улицу. Пронёсся по каждому из этих злополучных перпендикуляров по полкилометра туда и обратно, кляня всё на свете страшными словами. Белого предательского ситроена нигде не было. Не было ситроена!

Предатель Гордиевский выехал в этот поздний час на конспиративную встречу, а я умудрился его потерять...

Ведомый скорее отчаянием, чем размышлением и интуицией, я возвратился на ближний из этих поганных перекрёстков. Там повернул налево. Майорская память подсказывала, что так можно выехать к трассе, соединяющей районы города. Было логично проводить шпионские встречи подальше отсюда, от дипломатического квартала. Я полетел по пустой улице. Дорожные знаки мелькали по обочинам. Обогнал трясущийся в стороне по рельсам светящийся пустыми окнами трамвай.

Дорога действительно вывела на трассу. После секундного раздумья я повернул налево.

Здесь, на трассе, я выжал из бедняги форда всё, что было за его железной душой. Он отчаянно ревел двигателем, но нёсся вперёд. Отбойники, что отделяли встречные полосы трассы, слились в сплошную пролетающую рядом стену. Я обогнал три легковушки и едва успел увидеть, что это не те, кого я ищу.

На доли секунды в свете фар вспыхнул знак ограничения скорости, потом другой, о близком перекрёстке. Я чуть притормозил, и перекрёсток промелькнул почти так же быстро, как и знаки. Но мой отчаявшийся глаз уловил нужное. Это был он, белый ситроен! Я даже успел разглядеть дипломатические номера. Только вот он уезжал по уходящей влево дороге — туда, где вдали светили из темноты окна многоэтажек. А я этот поворот уже проскочил.

Рассчитывая развернуться на следующем перекрёстке или в разрыве разделительного отбойника, я прибавил газу. Пролетел километр или два, потом передумал: до разворота могло оказаться слишком далеко. За мной никого не было, так что я резко затормозил и, хрустя рычагом переключения передач, быстро развернулся. Врубил аварийку — и погнал обратно по встречке.

Попавшимся навстречу я издали моргал дальним светом фар. И всё равно они шарались от меня и истошно сигналили. В этом я их вполне понимал.

Долетев до поворота и повернув, ситроена я, естественно уже не увидел. Скоро начался микрорайон с многоэтажными домами, дорога разделилась развилками. Я понял, что найти здесь, среди рядов припаркованных под домами машин, автомобиль Гордиевского сразу не получится. А если не сразу, то на кой-чёрт вообще...

Но тут я его увидел. Белый ситроен пристроился на обочине впритирку к мусорным бакам. Его дипломатические номера весело блеснули в свете моих фар. Он был пустой, и людей поблизости не наблюдалось.

Я опоздал.

И тут мне показалось, что недалеко между домами мелькнула быстрая тень.

Бросив машину чуть не посреди дороги, я выскочил наружу. Дверью не хлопал, закрыл её почти бесшумно. И так же почти бесшумно побежал туда, к домам.

Я успел услышать только стук подъездной двери. Так что даже подъезд определил только приблизительно, какой-то из трёх. Стал наблюдать из-за угла дома. Было ещё не очень поздно, тут и там светились окна, где-то через шторы пробивался голубоватый свет от телевизоров. В этот раз мой фокус не прошёл: никто в окно не выглядывал или же выглянул так осторожно, что я этого не заметил.

Зато заметил, как в одном из окон на втором этаже зажёгся тусклый свет — наверное, в коридоре. Это могло быть, конечно, совпадение. Более того: квартира, куда поднялся Гордиевский, могла вообще не иметь окон на эту сторону. А если там, в квартире, его ждали, то свет в окне уже и так горит.

Отбросив сомнения, я отправился к двери подъезда. Здешние дома кодовых замков на дверях не имели — чем дальше от центра, тем оно бывает попроще.

Тихо поднялся на второй этаж. Взглянул в глазок: ничего не разобрать. Постоял, приложив ухо к чёрной дерматиновой двери. Вроде бы в квартире кто-то ходил, но тут мой напряжённый мозг мог выдавать желаемой за действительное. Голосов слышно не было. Оно и понятно: если зажёгся свет, то Гордиевский пришёл сюда первым и говорить ему пока не с кем.

Поднявшись на этаж выше, я примостился у поддувающего сквозняком окна и замер в ожидании.

Ждать пришлось не очень долго. По двору кто-то прошёл, скрипнула дверь подъезда. По ступеням застучали шаги. Человек легкомысленно и непрофессионально забыл проверить, не поджидают ли его этажом выше. Позвякивая связкой ключей, он пошагал к двери. А я бесшумно спустился по лестнице и пошагал к нему.

И тут моя готовая к не самым дружеским объятиям рука повисла в воздухе, а потом медленно опустилась.

Я узнал человека, явившегося для встречи с предателем Гордиевским.

Это был доктор Лапидус.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.